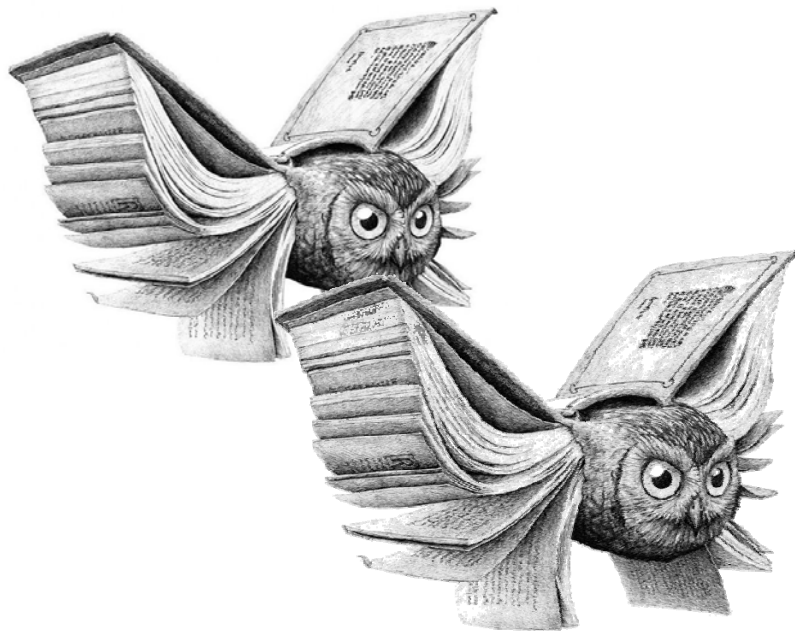

№ 3 (8)' 2017
Сентябрь – Октябрь

СОФИЯПОЛИС

Электронный научный журнал
гуманитарных исследований

Редакционный совет

Бернюкевич Т.В. – доктор философских наук, профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета

Иванова Ю.В. – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна Забайкальского государственного университета

Нестеров А.Ю. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Самарского национально-исследовательского университета им. академика С.П. Королева

Павлов А.В. – доктор философских наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета

Шемелин А.В. – доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-правовых дисциплин Забайкальского государственного университета

Главный редактор

Крылов Д.А. – доктор философских наук, президент Забайкальской гильдии политологов и социологов, руководитель школы "Новые софисты"

Редакционная коллегия

Горковенко А.Е. – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Забайкальского государственного университета

Романов И.А. – кандидат филологических наук, декан факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета

Черняк Е.Г. – директор Образовательного центра дополнительного обучения ЧОУ ДПО "ИнтеГРА"

Янков И.В. – кандидат философских наук, независимый исследователь (г. Екатеринбург)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФИЯ	5
Крылов Д.А. Языковая среда и застой: между свободой духа и духовными скрепами	5
РАЗДЕЛ II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	15
Амир Ст-н. Есть ли политические убеждения у обезьяны?	15
РАЗДЕЛ III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	25
Горковенко А.Е., Петухов С.В. Литературный пейзаж И.С. Тургенева в контексте традиций китайской живописи	25
Баранова О.Ю., Сундуева Б.М. Метафора молчания в этнической биографии Максина Хонг Кингстон «Воительница»	38
Петухов С.В., Соколова Е.А. Литературная гостиная как способ реализации креативного потенциала обучающихся	49
Сергеева В.А. Развитие способности к сопереживанию на занятиях выразительным чтением	57
РАЗДЕЛ IV. ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ, СООБЩЕНИЯ	64
О поиске новых форм в философии человека: <i>Т.В. Холостова, В.Е. Никитин, Н.И. Панкратов, Е.П. Ушаков, В.Н. Сагатовский, А.К. Секацкий, Б.В. Марков, Н.Б. Иванов, М.С. Каган</i>	64
Memoria	83

ОТ РЕДАКТОРА

Может ли фраза или идея одного человека повлиять на мнение многих и окажется ли этого достаточно, чтобы изменить мир людей, пребывающих во мраке обыденных представлений и клише для предустановленного поведения?

Как рассуждала Маргарет Мид: «Никогда не сомневайтесь, что небольшая группа умных, преданных своему делу людей может изменить мир. В истории всегда только так и было». Хотя, надо полагать, что все не так однозначно и уж тем более, не так просто. Ведь умные люди должны заявить о себе в политике, в этом прибежище для авантюристов, лицемеров и тщеславных самолюбцев. Будучи скептически настроенными по отношению к происходящему, они, скорее всего, дистанцируются от сферы избыточных эмоциональных оценок и пустых суждений. Поэтому и приходится чаще судить не о превосходстве мудрости, а о торжестве глупости.

Согласно идее Карло Чиполла мир буквально наводнен глупцами, к которым следует добавить простаков. Им противостоят немногие умные и бандиты. А значит, любые разумные решения обречены на потери, ибо, как писал Фридрих Шиллер: «Против глупости сами боги бороться бессильны». Впрочем, начиная с Эразма Роттердамского многие мыслители отдали дань рассуждениям о человеческой глупости. А воз, как говорится, остался там же где и был прежде. Именно сообщество состоящее из глупцов выступает в качестве непреодолимой силы, превращая любую идею о развитии, разуме и прогрессе в фарс.

Живя на манер беспечных бессмертных фаталистов глупцы мирятся с жизненными обстоятельствами и с легкостью соглашаются с мифами о грядущем счастье. Это состояние может поддерживаться со ссылкой на менталитет и традиции в закрытом обществе неопределенно долго. Такое общество, как известно, не способно к инновациям, так как ограничено в своих действиях. Вы никогда не найдете здесь достаточного числа

сторонников, способных принять инновации в качестве руководящего начала. Ведь если и есть источник всех бед, то они, как и все неурядицы, от умников, не желающих жить как все.

И, разумеется, такая среда крайне удобна для проявлений самовластия, самозванства и самодурства. Фрагментарное и упрощенное сознание масс используется на поддержание климата недоопределенности и мешанины смыслов. Достижением в этой области воздействия на массовое сознание можно считать формирование «клипового мышления». Думающим людям уже никогда не достучаться до тех, кто не способен к усвоению критической информации. Глас разума будет сродни вопиющему в пустыне.

Но... По рассуждению Хосе Антония Марина, высказанному им в «Поверженном разуме»: «Разум служит не столько для разрешения проблем, сколько для их постановки. Дискуссия о том, какого пола ангелы, не позволяет в полной мере проявить блестящие интеллектуальные способности, она скорее является образцом риторического искусства или силлогистического фехтования. Смутная или ошибочная цель сама искажает и разрушает все построения, ведущие к ней».

На фоне не рассуждающего большинства именно за постановкой проблем остается приоритет, как за путем, позволяющем разрушать обыденность и сонный фатализм. Порождаемый мир представлений становится многоликим, а бесплодная метафизика растворяется реальностью. Бессознательные умозаключения, разумеется, не исчезают, но ставятся под сомнение и разрушаются под воздействием скептической рефлексии. Тем более, что и сама рефлексия испытывает разнонаправленные противоречия, связанные с внутренней ограниченностью любого индивидуума. Впрочем, всегда есть опасность стать заложником собственного скептического догматизма. «Посохом и жезлом» здесь остается разум, оберегающий мыслителя.

*Главный редактор «Софияполис»
Дмитрий Крылов*

I. ФИЛОСОФИЯ

УДК 87.3 (2)

Д.А. Крылов
Забайкальская гильдия
политологов и социологов,
президент,
доктор философских наук
E-mail: dmdak@yandex.ru

Языковая среда и застой: между свободой духа и духовными скрепами

Аннотация: В статье автор предпринимает попытку проникнуть в суть застойных процессов, которые ограничивают возможности общественного развития. Язык и формируемая через него социальная среда играют ключевую роль в доместикации людей. Поведенческие паттерны перекрывают способность человека к критическому осмыслению и самооценке. Автор допускает, что просвет между традицией и экзистенцией, приносящий изменения в языковую картину мира, ориентированного на архаику общества, может быть расширен. Такое расширение просвета повлечет за собою обновление социальных и политических представлений.

Ключевые слова: Философия языка, свобода, доместикация, мировоззренческая парадигма, паттерны, закрытое общество, изменение сознания.

D.A. Krylov
Trans-Baikal association
of political sciences and sociology,
President,
doctor of philosophical Sciences (PhD)
E-mail: dmdak@yandex.ru

Language environment and stagnation: between the freedom of the spirit and spiritual shackles

Annotation: In the article the author attempts to capture the essence of the stagnant processes that limit opportunities for social development. Language and form through his social environment play a key role in the domestication of humans. Behavioral patterns that block a person's ability to critical reflection and

self-assessment. The author admits that the clearance between the tradition and existence, bringing changes in the language picture of the world based on archaic society, can be extended. This increased clearance will result in him upgrading social and political views.

Keywords: Philosophy of language, freedom, domestication, philosophical paradigm, patterns, closed society, a change of consciousness.

В известной пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион» разыгрывается история о превращении девушки из низов общества, продававшей на улице цветы, в даму, принятую в высшем обществе за свою. Благодаря обучению манерам и языку избранной социальной группы оказывается возможным преодоление границ между сословиями. Писатель провозгласил потребность в обществе в талантливых фонетистах, способных стать подлинными реформаторами в сфере общественных отношений [9, с. 207]. Возможно, что в этом же направлении шли и отцы европейского Просвещения, подвергшие сомнению монополию на культуру высших сословий.

Вопрос, который возникает здесь, связан с необходимостью понимания того, как происходит переход из одной культурной среды в другую? Ведь инаковость является серьезной границей между территориями производства стилей мышления и поведения. Речь идет о специфике поведения человека, который с детства усваивает особенности жизнедеятельности определенной группы и формируемой ею среды обитания.

И в этом плане мы совпадаем с взглядами К. Манхейма, полагавшем, что консолидированное общество формируется как особое сочетание рационального и иррационального, не позволяющих человеку и обществу выйти за известные пределы поведения [5, с. 284]. Своей целью исследователь считал поиск ответа на вопрос о том, как люди мыслят в действительности. Ведь, индивид «говорит языком своей группы, мыслит в формах мышления своей группы. В его распоряжении оказываются лишь определенные слова и их значения. Они не только в большой степени определяют его подход к окружающему миру, но одновременно показывают,

под каким углом зрения и в какой сфере деятельности предметы до сих пор были доступны восприятию и использованию их группой или индивидом» [5, с. 8].

Поведенческие паттерны фиксируют индивидуума, вынуждая поступать предписанным группой образом. В авторитарном закрытом обществе такие предписания оказываются тотальными, исключаящими собственную оценку принятых норм и образцов поведения. Требование же идентичности предохраняет от любых отклонений, как движения разрушающего общность. Процесс умертвления в человеке социально-политической активности обеспечивает пребывание у власти не способных к открытой конкуренции правителей второго сорта.

В рассуждениях Жака Бержье и Луи Повеля присутствует описание типичной ситуации из романа видного английского политика Джона Бьюкена (Бакена) «Энергетический центр»: «Посмотрите, как ведет себя правительство. Если учитывать все, то окажется, что нами руководят любители и люди второго сорта. Методы нашей администрации привели бы к краху любое частное предприятие. Методы парламента – вы уж меня извините – заставили бы устыдиться любое собрание акционеров. Наши руководители хотят приобрести знание посредством опыта, но они далеки от того, чтобы платить за знания ту цену, которую заплатил бы деловой человек; и когда они это знание приобретают, то у них не хватает смелости его применить. Где вы видите ту притягательную силу, которая заставила бы гениального человека продать свой мозг нашим правительствующим жрецам?» [4, с. 81].

Речь здесь идет о некоем цивилизационном договоре или заговоре, где целью оказывается богатство и слава. Но едва ли это относится к тем метафизическим покрывалам, которыми накрывается общественное сознание. В итоге из мира исчезает воля, стремление к рефлексии и к познанию. Остается лишь фиксация на уровне устанавливаемых представлений. И для

этого выдающиеся люди уже не нужны. Они могут оставаться стоять в просвете бытия, ожидая грядущих изменений.

У Мартина Хайдеггера человек сам выступает в качестве просвета бытия, где он присутствует в мире и вовлечен в него. Но речь идет о сознательном бытии, где понятие заботы приобретает осознанный смысл. И для этого нужна решимость или воля: «Исходная истина экзистенции требует равноисходного бытия-уверенным как себя-содержания в том, что разомкнуто решимостью. Она *дарит* себе всякий раз фактическую ситуацию и *вводит* себя в нее. Ситуация не позволяет предрасчитать и задать себя подобно чему-то наличному, ожидающему постижения. Она размыкается лишь в свободной, заранее не определенной, но открытой для определимости решительности» [7, с. 307].

Наиболее сложной здесь оказывается установка на то, чтобы держать себя открытым и быть свободным. Ведь выход за рамки своей социальной группы или среды означает разрыв в коммуникациях. Но, возможно, что к этому и должен стремиться думающий человек, чтобы не раствориться в обыденности? Он должен оставаться свободным для реализации собственных проектов, а не проектов иных людей, которые соприисутствуют в мире. Падение в мир для Хайдеггера оказывается падением в присутствие других людей, когда легко раствориться в их публичности и стать заложником толков [7, с. 175]. Вместе с тем, стоит избегать и избранности, к которой, несомненно, тяготел немецкий мыслитель.

Человек противопоставляет себя повседневности, в которой он лишь «движется в потоке». Ведь он не может отменить язык, этого средства «бытия с другим». Язык связывает на уровне повседневного общения, превращая бытие в рутинное прозябание. И если бы не тревога или озабоченность собственным существованием, то человек едва ли смог подняться над обыденностью. Язык дает возможность выйти за границы повседневного или присутствия в мире. Только вот, в одном случае, человек оказывается заложником языка, а в другом более редком случае, он

становится его хозяином. И здесь важным оказывается то, как это представляет Людвиг Витгенштейн, говоря, что «язык переодевает мысли» [2, с. 18].

Язык требует деятельности физической и интеллектуальной, но как часто он превращается в инструмент пустых пересудов или лжи? Пребывая в колее повседневности массовое сознание, не способное к рефлексии, довольствуется корректируемыми образами реальности. Требуются усилия, чтобы проанализировать увиденное и услышанное, привести к простым языковым формам и принятию решения. А человек в своей массе, полагаем, не любит принимать сложных решений. Он предпочитает пользоваться готовыми паттернами и доверять чувствам, нежели работе ума. Развития мышления в этом случае не происходит. И чтобы добиться встречного понимания, скажем, таких слов, как «демократия» или «свобода», то, следуя за рассуждениями Ганса Георга Гадамера, придется погрузиться в уже проложенную языком колею [3, с. 24].

Если посмотреть на ситуацию в современной России, то следует отметить, что выходцы из номенклатурно-партийной среды по определению не могут быть носителями новых идей. Их языковая картина мира не совпадает с требованием духовных свобод. В то же время они легко апеллируют к прежним представлениям авторитарно-патерналистского характера. Поэтому и рассуждения о «духовных скрепах» не вызывают возражений и скепсиса в массах. Характерно, что и провозглашается, даже на уровне оппозиции, некая борьба с кем-то или с чем-то, а не движение к чему-то или борьба за что-то. В последнем случае отмечается невнятность и неопределенность.

Понятие «враг» оказывается более понятным на обыденном уровне, чем установка на толерантность, требующая понимания другого. Боязнь утраты идентичности указывает на то, что достигается она отнюдь не на уровне рационального прагматизма и выбора ума, а как проявление догматической установки, которая всегда страшится свободомыслия. Предубеждения,

формируемые в качестве верований, мешают адекватному видению реальности. Зато они прекрасно работают в качестве механизма по поддержанию невежества, созданию предвзятых и односторонних оценок. И здесь мы не обнаружим даже намека на «просвет» бытия. Нет здесь места и для «жизненного прорыва», так как перед нами оказывается некий собственный «поворот» к иррациональному и антиинтеллектуальному, который прежде в советское время предписывался капиталистическому обществу.

Жизнь в закрытых обществах сродни пребыванию в Платоновой пещере, где все подчиняется предписаниям и воспринимают только то, что показывается определенным способом. Поэтому здесь нет места для произвольной рефлексии, а язык годен лишь для поддержания уже имеющихся коммуникаций. Ведь тот, кто способен вывести себя путем рефлексии из замкнутого мира, то он способен стать и причиной его разрушения. И если так можно высказаться, на уровне взаимодействия с наиболее разумными и здоровыми троглодитами, возможны качественные изменения в сознании. Именно этого опасаются те, кто стремится сохранить закрытым существующее семантическое поле. Так как его открытие провоцирует к познанию свободной активной информации.

Возрастание значения догматизма, как некая накрывающая современный мир волна авторитарного консерватизма, ведет к отказу не только от обновления социальных отношений, но и от новых решений прежних проблем. Сковываемый интеллект не может порождать свежих идей, призванный обеспечивать только подчинение. По мнению Эриха Фромма, человеческая история началась с акта непослушания и закончится тогда, когда наступит эпоха всеобщего послушания. В основе его рассуждений лежат ветхозаветный еврейский миф об изгнании Адама и Евы из Рая и древнегреческий миф о Прометее, отказавшемся быть покорным слугою богов.

В дальнейшем, именно благодаря непослушанию и был запущен процесс развития: «Человек продолжал развиваться благодаря актам непослушания. Возможным стало не только его духовное развитие, потому что нашлись люди, посмеявшие сказать "нет" властям предрержащим во имя своей совести или своей веры; интеллектуальное развитие зависело от способности не подчиняться – не подчиняться авторитетам, пытавшимся заставить молчать новую мысль, не подчиняться власти давно установившихся взглядов, согласно которым любое новшество – нонсенс» [6].

Эрих Фромм противопоставляет гетерономное послушание, состоящее в подчинении власти, институтам или личности, автономному послушанию, которое связано с убеждениями, следованию собственному мнению. Воздействие на массы происходит на уровне подчинения авторитарной совести, которая ослабляет «гуманистическую совесть» и снижает способности людей к самостоятельности. Происходит же это по причинам, связанным со страхом перед силой, боязнью остаться в одиночестве и лишиться внешней защиты, принижения собственного значения перед авторитетом, благодаря установке на подчинение: «На протяжении большей части человеческой истории покорность отождествлялась с добродетелью, а непослушание – с грехом. Причина этого проста: многие века большинством управляло меньшинство. Такое правление становилось необходимым потому, что жизненных благ хватало немногим, а большинству доставались крохи. Если эти немногие хотели наслаждаться благами и, кроме того, пользоваться трудом большинства, возникало необходимое условие: большинству следовало научиться покорности» [6].

Естественно, что такая покорность должна была прививаться и поддерживаться через язык. При этом все рассуждения о природе языка будут избыточными, уводящими в сторону от его инструментальной роли. Ведь язык «похищен», точнее, он постоянно похищается. Ролан Барт проводит деления языка на два дискурса, один из которых он именуется энкратическим,

или внутривластным, а другой, именуется акратическим, невластным или безвластным: «Фактически язык власти всегда оснащен структурами опосредования, перевода, преобразования, переворачивания с ног на голову (например, Маркс указал на *перевернутость* идеологического дискурса по отношению к буржуазии). Так же и *акратический* дискурс не выступает открыто *против* власти <...> Энкратический дискурс согласуется с *доксой*, подчиняется ее кодам, составляющим структурирующие линии ее идеологии, акратический же дискурс в своих высказываниях всегда в той или иной мере направлен против *доксы*, этот дискурс в любых своих видах всегда *парадоксален*» [1, с. 529].

Энкратический дискурс постоянно воздействует на сознание, заставляя подчиняться власти, подавляя любые иные дискурсы, подменяя их личинами «здравый смысл», «природа», «универсальность», «ясность», недоверие к «интеллектуализму», он душен, вязок и догматичен [1, с. 530]. В нашем случае, мы в дополнение к сказанному отметим такие характерные для современного российского энкратического дискурса понятия, как «идентичность», «патриотизм», «консерватизм», «исконные ценности», «великая война» и «духовные скрепы. Это соответствует определенной традиции развития языка в России, его тотальной включенности в обеспечение власти, ее механизмов и институтов.

Опасность для энкратического дискурса проистекает от носителей акратического языка, способных производить собственные идеи, требующих плюрализма и скептически оценивающих принимаемые властью решения. Поэтому с акратическим дискурсом и ведется непримиримая война, чтобы сохранить полное послушание масс. Несмотря на малочисленность интеллектуалов и писателей, тех кто работает с дискурсом, у них есть энергия и желание освободить людей от умственного рабства. По замечательному и яркому определению, данному Ноямом Хомский: «Если народ пойман, обманут и не замечает – а уж тем более не подвергает сомнению – царящие в обществе доктрины, этот народ становится обычным рабским скопищем.

Люди безропотно повинуются – будто к их вискам приставлены пистолеты» [8, с. 150].

Экзистенциальное не терпит мертвящей доксы, попыток построить мир в духе Коцея Бессмертного, где человек становится вещью, а его бытие теряет свою временность и конечность. Настроения разомкнуты и разнонаправлены, формируя множественные варианты «бытия-в-мире». Но сами по себе настроения не приводят к конструктивным действиям, нуждаясь в воле и знании. У Хайдеггера это связано с пониманием, выступающем как некое умение быть в экзистенции: «Разомкнутость понимания как разомкнутость ради-чего и значимости касается равноисходно полного бытия-в-мире. Значимость есть то, в видах чего разомкнут мир как таковой. Ради-чего и значимость разомкнуты в присутствии, значит: присутствие есть сущее, для которого как бытия-в-мире дело идет о нем самом» [7, с. 143].

Мыслитель видит в присутствии как способность и умение быть через освобожденность себя. Хотя при этом всегда можно задать вопрос о свободе или мере освобожденности человека. При этом речь, разумеется, не идет об кардинальном отказе от энкратического дискурса, который, судя по всему, не изживаем и его место всегда готов занять один из вариантов акратического дискурса. Это наводит на размышления в духе «Дракона» Евгения Шварца, когда убийство одного дракона приводит к торжеству другого и это происходит до тех пор, пока люди не начнут мыслить самостоятельно. Поэтому, расширение просвета пока предполагает всего лишь ограничение произвола со стороны обладающих властью и распространение публичного дискурса, способного внести вариантность в предзаданную прежними эпохами картину мира, сделав язык и сознание более пластичными.

Впрочем, наш вывод носит промежуточный характер, так как остается социальное неравенство, как и те, кто готов пассивно воспринимать бытие. Такие люди не стремятся к изменению традиционных условий существования, рассчитывая на патронаж со стороны власть предержащих. Их язык косный, малоподвижный и ленивый. Поэтому, если сегодня, скажем,

с позиций властного дискурса было провозглашена старая идея о том, что Земля плоская, у нее нашлись бы множественные сторонники. Мифология оказывается востребованной и в наши дни, отражая общее состояние массового сознания, нуждающегося в мистико-магическом объяснении бытия.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Витгенштейн Л. Философские работы / пер. с нем. М.: Издательство «Гнозис», 1994. Часть I. 612 с.
3. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / пер. с нем. М.: Искусство, 1991. 367 с.
4. Повель Л., Бержье Ж. Утро магов / пер. с фр. К.: «София», Ltd., 1994. 480 с.
5. Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994. 697 с.
6. Фромм Э. О неповиновении и другие эссе / пер. с англ. AST Publishers, 2011 // URL: https://bookz.ru/authors/fromm-erih/o-nerovi_474/1-o-nerovi_474.html (дата обращения: 27.09.17).
7. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
8. Хомский Н. Система власти: Беседы о глобальных демократических восстаниях и новых вызовах американской империи / пер. с англ. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. 256 с.
9. Шоу Б. Полное собрание пьес в шести томах / пер. с англ. Л.: Искусство, 1980. Том 4. 654 с.

II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 32

Амир Ст-н
независимый исследователь
e-mail: amirst-n@mail.ru

Есть ли политические убеждения у обезьяны?

Аннотация: В статье автор намерен актуализировать проблему формирования политических убеждений в современном обществе. Их подлинность или ложность оказываются зависимыми от способности человека осознанно следовать за принятыми в обществе представлениями. Требование идентичности сужает возможности человека по выработке собственных убеждений. Многие предпочитают инерционный путь, сливаясь с социальным окружением. Интеллектуальное сознание преднамеренно отключается и при попытках его включения вызывает отрицательные психические реакции. Невежество оказывается естественной реакцией массового сознания, ориентированного на подчинение. Поэтому так важна смена верноподданнических настроений на гражданские.

Ключевые слова: Ложные убеждения, невежество, симулякры, подделка, идентичность.

Amir St-n
independent researcher
e-mail: amirst-n@mail.ru

Is there political beliefs does a monkey have?

Annotation: In the article the author intends to update the problem of forming political opinion in modern society. Their authenticity or falsity are dependent on a person's ability to consciously follow the accepted understanding in society. Requirement of identity narrows the possibilities of man in the development of their own beliefs. Many people prefer the inertial path, merging with the social environment. Intellectual consciousness is deliberately turned off and when trying to enable it causes a negative psychological reaction. Ignorance is the natural reaction of the mass consciousness, focused on obedience. Therefore, it is important to change attitudes of loyalty to the civil.

Key words: False beliefs, ignorance, simulacra, fake, identity.

Когда перенимать с умом, тогда не чудо
И пользу от того сыскать;
А без ума перенимать,
И боже сохрани, как худо!
А.И. Крылов. Обезьяны.

Sapere aude
Гораций. Послания
(лат. Дерзай знать)

Согласно рассуждений Ханны Арендт, сделанных в духе Аристотеля, люди являются существами политическими лишь благодаря тому, что они обладают речью. Именно благодаря речи и своему стремлению показать себя появились люди. Но способны ли люди в своей массе к собственным политическим суждениям? Ведь людей так часто зажимают в их способности к рефлексии, приручая к примитивным или обыденным реакциям. Поэтому остается лишь простое копирование принятого в группах поведения. Естественно, что образцом для такого копирования оказывается лидер группы и ему подобные. Но, столь же естественно, что происходит постоянная борьба за первенство, которая связана с даваемыми властью преимуществами по отношению к себе подобным. И это поведение сегодня известно из наблюдений за братьями нашими меньшими. Сошлюсь на исследование Франса де Валь «Политика у шимпанзе» [3].

Те, кого условно можно принять за родственные виды – разнообразные приматы, воспринимаются как шарж на *Homo sapiens*. Хотя после известной франшизы «Планета обезьян» ситуация приобрела зловещий окрас. Обезьяны оказались не глупыми и забавными макаками, а расчетливыми и злобными претендентами на мировое господство. И, главное, они заговорили как люди.

Правда, играли этих обезьян тоже люди, став подделкой на самих себя. Мы не хотим признавать свою вторичность, неспособность к развитию, внешнюю перелицовку уже известного без истинного содержания, а мрак суеверий так никогда не исчезает из нашего сознания, заставляя верить в чудеса. Мы даже не нуждаемся в принуждении, занимаясь этим

самостоятельно по отношению к себе. Отсутствие самостоятельного мышления или постоянной потребности в рефлексии делает людей инертными обывателями без свойств.

Если бы не потребности власть предержащих и тех, кто стремится к ней и росту собственного благосостояния, игры в доминирование и подчинение, то людей следовало бы оставить в покое заниматься личными делами. Активная жизнь утомляет и порождает дискомфорт. Труд оказывается наказанием и проклятием для тех, кто изначально пристегнут к эволюции и материальной активности. Будущее для таких людей должно наступить в свое время.

Разумеется, включенность в социально-политические и экономические процессы, столкновение интересов, неудовлетворенность в ожиданиях, зависть, страх и обиды могут изменить ситуацию. Рост напряжения может быть подобен снежному кому, увеличивая число активных участников. Но этот процесс может выйти из-под контроля и разрушить целостность общества. Крайним вариантом таких отклонений может стать бунт или общее неповиновение. Здесь страсти попирают уже не только предрассудки, но и совсем не коррелируются с разумными интересами. Злой джин страстей, вырвавшись из бутылки, прежде натворит много бед и разрушений, а лишь потом вернется обратно и затаится до следующего раза.

Поэтому и держать людей нужно в системе предрассудков и слабых, канализированных на бытовом уровне, страстей. Тогда как вовлечение в политические дискуссии чревато когнитивными диссонансами, нарастающим дискомфортом от постоянно меняющихся установок, верований и как бы авторитетных мнений. Принуждаемые к согласию люди могут начать выражать недовольство, так как провоцируемая рефлексия предполагает появление осмысленных убеждений, а не баннеров или лозунгов. И не важно, насколько эти убеждения верны, главное, что они будут отличаться от предписанных догм. Тем самым, будет поставлены под сомнение не только

легитимность официальных вождей и их оракулов, но и создаваемое ими системное мышление.

С определенного момента метафизическая идея государства и власти просто перестает работать. Ошибочно полагаться на политическую мобилизацию как на панацею от социальных потрясений. Ведь рано или поздно к пониманию естественного неравенства людей может добавиться и то, что власть предрержащие преднамеренно насаждают его от имени государства. Уровень критического мышления при этом может оставаться на довольно низком уровне. Людям достаточно будет тех негативных ощущений, которые будут накапливаться и получают свое воплощение в критических высказываниях. Естественно, что среди недовольных должны появиться и те, кто готов предложить новую систему верований. Ведь добиться от людей ясного мышления почти невыполнимая сегодня задача.

«Знание – сила», – провозгласил еще в XVI веке Фрэнсис Бэкон, который довольно четко описал четыре типа «идолов сознания», стоящих на путях познания. Мыслитель предлагал интеллектуально вооружиться против идолов рода, пещеры, площади и театра, чтобы освободить человеческий разум. Самыми тягостными идолами мыслитель называет идолов площади, «которые проникают вместе со словами и именами. Люди верят, что их разум повелевает словами. Но бывает и так, что слова обращают свою силу против разума. Это сделало науку и философию софистическими и бездейственными. Большая же часть слов имеет своим источником обычное мнение и разделяет вещи в границах, наиболее очевидных для разума толпы» [2, с. 25-26].

Расхожие мнения как набор мемов загромождают сознание человека досужими домыслами, сплетнями и измышлениями. Эти паразитические продукты сознания играют огромную роль в процессах коммуникаций, тиражируя заблуждения, массовые психозы и стереотипность поведения. Интеллектуальное сознание затуманивается или изначально спит. И это делает таких людей абсолютно непригодными, скажем, для демократии. Не случайно, Бертран Рассел указывал на потребность научного склада характера

для успеха демократии: «Научный склад характера способен возродить человечество и положить конец всем нашим бедам. Научные результаты, воплощенные в технике, отравляющих веществах и желтой прессе, видимо, ведут к полному упадку нашей цивилизации» [7, с. 232].

Мыслитель провозглашает «волю к сомнению», способную пробудить потребность человека в преодолении охраняемых сверху догматов. Ведь приближение к миру научного сознания означает вступление на зыбкую почву сомнений. Ограниченное твердью догматики мышление людей способно лишь впасть в панику от чувства незащищенности. Едва ли стоит переоценивать силу человеческого разума и готовность принять идею собственной суверенности и ответственности за себя. Принадлежность к группе, институту, государству или стаду оказывается более предпочтительной и комфортной, нежели самостоятельно испытывать груз противоречивых внешних давлений и требований. Поэтому, легче всего свобода ассоциируется с освобождением от принуждений.

Из ученых легко сделать врагов, а чрезмерное знание признать вредным и противоестественным. Стоит вспомнить, как во времена Французской революции мыслителей, веривших в скорейшее торжество Разума, подвергли остракизму. «Друг народа» Жан Поль Марат в своем памфлете «Современные шарлатаны, или Письма об академическом шарлатанизме» фактически потребовал расправиться с академиками. Впрочем, в своих нападках на науку этот несостоявшийся ученый не был одинок и тот же Жан-Жак Руссо провозглашал науку продуктом праздности: «Первый источник зла, – поучал Руссо польского короля, – это неравенство, неравенство породило богатство, а оно в свою очередь – роскошь и праздность, роскошь же породила искусства, а праздность – науки» [5].

Антиинтеллектуальные настроения, как и гонения на свободомыслящих (инакомыслящих) ученых и мыслителей, неизменно сопровождают порождаемые чудовища спящего разума. Действия спящего разума, как и поведение пребывающих в Платоновой пещере людей подчиняются

искаженным образом. Это сравни с жизнью симулякров, наблюдающих копии лишенных подлинности образов. Впрочем, стоит помнить и о том, как формируется мир симулякров, которых приучают воспринимать как бы реальность. Здесь нет места критическому мышлению, а его подобие возникает, скорее, случайно и фрагментарно, чем как результат проявления свободы мнений. Скептиков и воспринимают в качестве субъектов действующих с умыслом, направленным на искажение реальности. Попробуйте возразить, когда под сомнение поставлена «вся традиционная система каузальности: метод перспективный и детерминистский, "активный" и критический, метод аналитический – различие между причиной и следствием, между активным и пассивным, между субъектом и объектом, между целью и средствами» [1, с. 48].

Перепроизводство как бы аналитиков, политологов, штатных юмористов, дебатов и ток-шоу на избранные темы, как и, свое время, тиражирование анекдотов и памфлетов, привело к падению ценности свободных суждений. Сегодня уже нет необходимости преследовать за распространение анекдотов. Хотя и не все так просто и остаются не поддающиеся доместикации радикалы. Антиинтеллектуализм имеет и свою теневую сторону – спонтанность и проявления древнего хтонического сознания. Востребованными окажутся и архаическая и современная мифология, и пророчества конца, и апокалипсические страхи. Ибо, как пишет Жан Бодрийяр, в пустоте неопределенности нас «снова настигают фантазмы прошлого, коллекция из событий, идеологий, течений моды в стиле ретро – в основном не потому, что люди верят в это или еще строят на этом свои надежды, а просто для того, чтобы воскресить время, когда, по крайней мере, еще была история, по крайней мере, еще было насилие (пусть даже фашистское), когда, по крайней мере, решался вопрос жизни и смерти. Все годится, лишь бы избежать этой пустоты, этого малокровия истории и политики, этого кровотечения ценностей, – именно пропорционально этой тоскевспоминают вперемешку любой контент, беспорядочно воскрешают всю

предыдущую историю – ни одна идея не проходит больше квалификационного отбора, одна лишь ностальгия накапливается без конца: война, фашизм, великолепие Прекрасной эпохи или революционная борьба – все равнозначно и без различия смешивается в одной мрачной и похоронной экзальтации, в одной ретрофасцинации» [1, с. 63].

Попробуем понять, насколько современным может оказаться текст, написанный другом Кальвина Вире: «Мир близится к концу... Он подобен человеку, который изо всех сил цепляется за жизнь. Так обустрой свой дом... откажись от коррупции, оставь вредные созерцания и постарайся уйти от этого мира. Его ждут еще более худшие бедствия, чем те, которые тебе пришлось пережить» [4, с. 187]. Смысл сказанного понятен и сегодня, но, скажем, использование определенных понятий, вырванных из контекста, превращает их в знак самого себя. Отказаться от коррупции предлагалось в преддверии конца этого мира и подтверждалось моральными соображениями высшего порядка. Едва ли речь шла о ценности политического института – государства, которое оставалось лишь временным инструментом для земной власти. Ведь без страха перед неизбежным концом или апотропии искоренить коррупцию невозможно и вся борьба с ней превращается в бесконечный жест.

Отчужденность людей по отношению к государству, где вы один из подданных (степень приближения к высшему носителю власти значения не имеет), переводит ситуацию борьбы с коррупцией в запутанный спор со своей совестью, амбициями и желаниями. В итоге мы и получаем парадокс в виде фразы «пчелы против меда». И если есть жертвы такой борьбы и фигурируют немалые суммы, то ни о каком искоренении проблемы речи не идет. Имитируются намерения и желания по преодолению зла, точнее, одной из его форм. Поэтому нам и остаются периодические разоблачения коррупционеров.

Классикой российских симулякров остаются перенесенные из XVIII века в XXI век «потемкинские деревни», которые можно обнаружить повсеместно. Такие понятия как «демократия», «федерализм», «разделение ветвей власти», «независимые суды», «гражданское общество», «частная

собственность» и им подобное лишены собственного смысла и служат в качестве внешних маркеров подобия. Обществу навязывается строгая установка на монохромную патриотическую идентичность. В результате политическое пространство превратилось в подобие пустыни, из которой ушла политическая жизнь.

Другим примером симулякра может послужить пресловутое реформирование образования, затрагивающее потребности общества и государства в подготовленной и обученной к самостоятельной жизнедеятельности молодежи. Вместе с тем сами результаты обучения не служат гарантией социального благополучия. Да и сам процесс натаскивания на знания в виде наборов информации не предполагает способности к осмыслению и собственным выводам. Скажем, преподаватель, спрашивающий своих студентов о том, какие у них есть вопросы, должен быть готовым к тишине. Перед ним находится коллективный человек без свойств, занимающийся не тем, чего он хочет на самом деле.

Институты подавляют волю людей, купируют возможные убеждения, подменяя их обязанностью подчинения по тем или иным основаниям на безвозмездной основе. Ведь поиск и сопряжение целей требует признания у людей личных интересов. Поэтому склонность к рассуждению и не развивается. Даже в интеллектуальной сфере мы наблюдаем растущее давление со стороны бюрократической власти, превращающей свободный и творческий поиск истины в обязательный вал посредственных и низкопробных как бы научных публикаций. Погоня за рейтингами цитирования – печальное явление наших дней, демонстрирующее всевластие симулякров, строителей потемкинских деревень.

Вольные или невольные соглашатели, притворщики и обманщики идут на сделку с предлагаемой системой условиями выражения лояльности. Их устраивает сохранение статус-кво, пресловутая стабильность, развитие без изменений, развернутый в прошлое византизм с его культурным кодом

вечного самодержавия. Здесь нет равных, а только подданные, живущие по принципам византийства, как деспотизма, разврата и лести [6, с. 97].

Ни о какой вестернизации здесь в принципе не могло идти речи. Ставший мессианским посылом о «Третьем Риме» византизм как основа для государственной мифологии об историческом призвании уводит в сферы метафизики и обрекает людей на прозябание. Затраты на содержание власти и ее планы начинают обходиться крайне дорого. Но укорененность власти в нашем случае почти абсолютна, что и обеспечивает естественное преимущество государственного бытия над частными интересами, превращая их в ничто. На долю прав людей остаются лишь предрассудки и эмоции, принадлежащие им по природе, но распоряжаются которыми другие, сознательно делающие бесплодным разум. Невежество остается желаемым, и людям предлагают делать политический выбор, доверяя сердцу, а не уму. Тогда как взывающие к разуму либералы и западники объявляются врагами исконных начал и традиций.

Инертность общества поддерживается ради сохранения целостности системы, хотя это и грозит усилением процессов энтропии. Но едва ли стоит ждать от такого общества стремления к новому. Оно способно лишь к воспроизводству подобия прежних идей, точнее, коллажу из образов прошлого. Ностальгия о прошлом детерминирует поведение таких людей, готовых отвергнуть прагматизм из-за его критического отношения к преклонению перед ушедшим бытием, метафизическим сентенциям по поводу несбывшегося. Желание реставрировать мифологию прошлого ведет к самообману, застою и загниванию, «восстановлению» светлого вчера и утрате контакта с реальностью.

В нынешнем «реванше» эссенциалистов и как бы консерваторов мы видим восстание против будущего и обретения человеком подлинной суверенности. Защита существующего порядка подается как национальная идея, требующая мобилизации всех сил и неизбежных жертвоприношений. Утраченная коллективная целостность рассматривается здесь как величайшее

зло, с которым нужно бороться до конца. Поэтому так и опасно открытое общество, символы которого извращены и лишены подлинного смысла. Люди в своей массе должны оставаться общественными животными, демонстрирующими силу «заднего ума» ...

* * *

Закончить свои рассуждения хотелось бы отсылкой к известному сборнику рассказов О. Генри «Короли и капуста», где нет ни одного рассказа ни про королей, ни про капусту. Это должно было лишь подразумеваться. Мы же подразумеваем, что, говоря про демократическое государство, необходимо было бы рассуждать и о соответствующих демократических ценностях, и о гражданской активности. Ни того, ни другого мы не обнаруживаем в нашей российской действительности.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
2. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1972. Т. 2. 582 с.
3. Де Валь Ф. Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов / пер. с англ. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. 272 с.
4. Делюмо Ж. Ужасы на Западе / пер. с фр. М.: Голос, 1994. 409 с.
5. Дмитриев И.С. «Союз ума и фурий»: ученые в эпоху Французской революции // Новое литературное обозрение. 2005. № 73 / Журнальный зал: URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/73/dmi1.html> (дата обращения: 21.09.17).
6. Козловская Н.В К проблеме значения лексем *византизм* и *византинизм* // Политическая лингвистика (Екатеринбург). 2013. № 3 (45). С. 91-98.
7. Рассел Б. Искусство мыслить / пер. с англ. М.: Идея – Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 240 с.

III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Редакция «Софияполис» предлагает к ознакомлению некоторые статьи из материалов научного сборника 2017 года, которые были подготовлены к X Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора Ахметовой Галии Дуфаровны.

УДК 82

А.Е. Горковенко

Забайкальский государственный университет

кандидат филологических наук, доцент,

заведующий кафедрой РКИ

E-mail: angor.10.09.66@list.ru

С.В. Петухов

Ленинградский областной институт развития образования

кандидат филологических наук, доцент, методист

E-mail: sergeypetuhov@mail.ru

Литературный пейзаж И.С. Тургенева в контексте традиций китайской живописи

Аннотация: В статье рассматривается литературный пейзаж И.С. Тургенева в контексте основных принципов философии традиционной китайской живописи. Определены несколько особенностей, которые сближают описание природы у Тургенева с живописью Поднебесной: связь с природой с момента рождения, поэтизированная конкретность, философская наполненность пейзажа, вдумчивое созерцание предмета, ценность незавершённой формы, разлитость и бесконечность природы в мире, метафоричность и аллегоричность, метафизика, художник-наблюдатель, импрессионистичность пейзажа.

Ключевые слова: Тургенев в Китае, литературный пейзаж, традиционная китайская живопись, философия пейзажа, ци, метафора, импрессионизм

А.Е. Gorkovenko

Transbaikal State University
Candidate of Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Russian as a Foreign Language
E-mail: angor.10.09.66@list.ru
S.V. Petukhov
Leningrad Regional Institute for Educational Development
Candidate of Philology, Associate Professor, Methodist
E-mail: sergeypetuhov@mail.ru

I.S. Turgenev's Literary landscape in the context of the traditions of Chinese painting

Annotation: The article examines the literary landscape of IS Turgenev in the context of the basic principles of the philosophy of traditional Chinese painting. There are several features that bring together the description of nature in Turgenev with the painting of the Celestial Empire: the connection with nature from the moment of birth, the poeticized concreteness, the philosophical fullness of the landscape, the thoughtful contemplation of the subject, the value of the unfinished form, the diffusion and infinity of nature in the world, metaphorical and allegorical, metaphysics, writer-observer, impressionism of the landscape.

Key words: Turgenev in China, literary landscape, traditional Chinese painting, landscape philosophy, qi, metaphor, impressionism.

Иван Сергеевич Тургенев как мастер пейзажа во многом оказался близок традиционной китайской живописи, и именно эта, до сих пор не исследованная, междисциплинарная параллель оказалась в центре нашего внимания. Работы же китайских аспирантов и литературоведов сосредоточены в основном на поэтике некоторых произведений Тургенева, в частности, женских характерах (диссертация Тао Ли «Принципы художественной характерологии и типология женских образов в романах И. С. Тургенева 1850-х годов», 2002). Положительный образ русской девушки нередко брался в качестве некоего идеала. Так, известный литературовед и писатель Ба Цзинь создавал своих героинь, ориентируясь на женские образы Тургенева. Россия XIX века и настоящие тургеневские, чистые душой женщины оказались интересны китайскому читателю.

Сие Лю И восхищался автором «Записок охотника» как выдающимся человеком и писателем, «который сумел достойно представить русскую литературу на Западе. Она распространяется в Европе, и народы других стран начали знакомиться с произведениями Тургенева, влияние которого на их духовную жизнь с годами не уменьшается. Его влияние может сравниться только с влиянием Л. Н. Толстого» [2, с. 7]. Многие известные китайские писатели сами переводили произведения И. С. Тургенева, восхищаясь неповторимым стилем классика «золотого века» русской литературы, отчасти заимствуя его в своём творчестве.

Некоторые китайские исследователи называли произведения Тургенева «летописью русского общества». В первой половине XX столетия, начиная с 1915 года романы и повести Тургенева, статьи о нём публиковались почти ежегодно.

Лу Синь видел в тургеньевских творениях «добрую душу, горечь, агонию угнетённых» и воспринимал их глубокую печаль. Юй Дафу, анализируя разочарования и колебания «лишних людей», воспринимал их лирическую грусть, а Ба Цзинь, переживая тургеньевское чувство, воспринимал его нежные, элегические нюансы.

Представителя новой китайской литературы Юя Дафу (1896–1945, наст. имя Юй Вэнь), Го Можо оценил так: «В китайской литературе Дафу очень похож на Тургенева в русской литературе» [1, с. 314]. Не мечтавший стать писателем, Дафу, после прочтения повестей Тургенева «Первая любовь» и «Вешние воды», заинтересовался иностранной литературой, особенно русской.

В своей творческой исповеди Юй Дафу искренне выражает уважение к таланту русского классика: «Среди многих древних и современных, крупных и второстепенных иностранных писателей, мне кажется, самый любимый, самый знакомый, самый привлекательный, с которым чаще всех хочется иметь дело и которого никогда тебе не надоест читать – это Тургенев. Пусть это моё, отличное от других современников пристрастие. Ведь я начал читать,

захотел писать романы потому, что на меня полностью повлиял гигант северной страны, с ласковым лицом, чудными грустными глазами, пышной бородой» [1, с. 317].

Издатели, научная общественность и читатели продолжают изучать творчество русского классика и в современном Китае.

Иван Сергеевич Тургенев – один из лучших пейзажистов в мировой литературе. Природа средней полосы России в его произведениях представлена в образе необъятной красоты. Подобно живописцу, он видит бескрайние просторы полей, густые леса, перелески, изрезанные оврагами, слышит шелест берёзовых листьев, звонкое многоголосье пернатых обитателей леса, вдыхает аромат цветущих лугов и медовый запах гречихи. Писатель философски размышляет о гармонии в природе, не всегда подвластной человеку, ее разлитости в мире. Такое онтологическое отношение к природе сближает Тургенева с традиционной китайской живописью, для которой важно понятие «ци», наполненное глубоким смысловым содержанием. Из него вырастет и китайский литературный пейзаж. Герои Тургенева очень тонко чувствуют природу, умеют понимать её вещий язык, и она становится как бы соучастницей их переживаний.

Тургеневский пейзаж приобрёл всемирную известность. В произведениях Тургенева закладывается традиция пейзажных зарисовок как самоценных текстов в русской литературе, в то время как в Китае существует богатая и давняя традиция литературного пейзажа, основанного на китайской живописи. Тургенев близок эстетической и этической традициям китайской культуры.

Для неё одним из ведущих жанров живописи с древних времён остаётся пейзаж, который вошёл в литературу Поднебесной именно с длинных свитков и альбомных листов мастеров «шаньшуя» и «хуаняю». Китайским читателем тургеневский пейзаж гораздо легче воспринимается сквозь призму традиционной живописи Поднебесной – философской, загадочной, тонкой, лиричной. Есть много схожих особенностей на листах китайских живописцев

и в пейзажных зарисовках Тургенева, и, тем самым, можно установить близость европейской и восточной культуры в понимании мира природы.

Восприятие китайским читателем русского пейзажа трудно представить без обращения к традиционной живописи Поднебесной, через посредство которой происходит понимание и символическое осмысление картин природы, созданных Иваном Сергеевичем Тургеневым.

Мы выявили несколько особенностей, сближающих описание природы у Тургенева и философию китайской пейзажной живописи.

Связь с природой с момента рождения – философия «ци».

С самого рождения Тургенев был связан с природой, с одним из красивейших мест России – Мценским уездом Орловской губернии, усадьбой Спасское-Лутовиново, в которой располагался огромный парк с липовыми аллеями, могучими дубами и столетними елями, высокими соснами и стройными тополями, каштанами и осинами, фруктовыми садами и цветниками. Это живописное место стало одной из первых страниц в книге природы, которую Иван Сергеевич пишет всю жизнь. Именно в Спасском он научился глубоко любить и чувствовать природу. Сад и парк в Спасском, окрестные поля и леса – первые страницы книги Природы, которую Тургенев не устаёт читать все жизнь.

Автор воспроизводил её образ простыми и точными мазками, при помощи ярких и сочных красок. Тургенев писал: «В самой природе нет ничего ухищрённого мудрёного, она никогда ничем не щеголяет, не кокетничает. В самых своих прихотях она добродушна» («Записки охотника, 28 декабря 1852 (9 января 1853 г.).

Китайцы считают, что вместе с первым вздохом родившегося человека в его тело проникает «ци» (氣). Это особое комплексное понятие, которое легче почувствовать, чем объяснить. Оно подразумевает сложную связь человека с природой. Благодаря собственной ци, человек причастен к великой энергии всей Вселенной.

Поэтизированная конкретность.

Природа в произведениях Тургенева всегда поэтизирована. Она окрашена чувством глубокого лиризма. Эту черту Иван Сергеевич унаследовал у Пушкина, особенно, способность извлекать поэзию из любого прозаического явления и факта, и тогда природа оказывается конкретизированной. Критика единодушно отмечала, что пейзаж у Тургенева всегда подробен и верен, он смотрит на природу не просто взглядом наблюдателя, но знающего человека. В то же время пейзажи писателя не просто натуралистически верны, конкретны и подробны, но они также всегда психологичны и несут определённую эмоциональную нагрузку. Поэтические пейзажи Тургенева поразительно конкретны и вместе с тем овеяны переживаниями рассказчика и действующих лиц, они динамичны и тесно связаны с действием. Картины природы в его произведениях отличаются конкретностью. Реальностью. Зримостью. Автор описывает природу не как бесстрастный наблюдатель; он чётко и ясно выражает своё отношение к ней.

Китайская живопись представляет собой объединение художественного искусства с поэтическим. Её символика раскрывается в опoэтизированной конкретности. Например, на пейзаже может быть надпись: «Весною озеро Сиху совсем не то, что в другие времена года». Подобное название трудно представить в европейской живописи.

Философская наполненность пейзажа.

Тургенев иногда предлагает читателям философское осмысление пейзажа, когда высказывает мысли о жизни и смерти, о вечности мира природы и кратковременности человеческой жизни, о влиянии окружающей природы на мировоззрение человека.

Традиционный жанр китайского пейзажа так и называется: шань-шуй («горы-воды»). Гора (шань) олицетворяет Ян (светлый, активный принцип природы), вода (шуй) – Инь (женственный, темный и пассивный). Философия китайской пейзажной живописи раскрывается во взаимодействии этих двух

начал, которое передаётся взглядом на пейзаж сверху, с высокой точки зрения, чередованием планов: горных вершин, полос тумана, водопадов.

Жизнь человека, по Тургеневу, определяется не только общественными отношениями данного исторического момента, не только всей совокупностью национального опыта, она находится ещё во власти неумолимых законов безучастной к нему природы. После «Рудина» эти мотивы в творчестве Тургенева усиливаются в повестях «Поездка в Полесье», «Фауст», «Ася» и «Первая любовь». «Поездка в Полесье» открывается размышлениями рассказчика о ничтожности человека перед лицом всемогущих природных стихий. Сталкиваясь с их властью, герой остро переживает своё одиночество, свою обречённость. «Трудно человеку, существу единого дня, вчера рождённому и уже сегодня обречённому смерти, – трудно ему выносить холодный, безучастно устремлённый на него взгляд вечной Изиды...» [4, с. 52].

Вдумчивое созерцание природы.

В Китае существует традиция, основанная на вдумчивом созерцании природы, а стили живописи различаются не по амбициям художников, а по состоянию изображаемого пейзажа: «бегущий поток», «бамбуковый лист на ветру», «небеса, прояснившиеся после снегопада». Отстранённость личности художника определяет ещё одну важную особенность традиционной китайской эстетики: мастер не размышляет о бренности своей жизни, а созерцает и эстетизирует бренность материальных вещей.

Мудрецы Востока любят повторять, что если для деятельного европейца, обуеваемого идеей покорения природы и демонстрации силы, нет большего удовольствия, чем забраться на вершину высокой горы, то для китайца наибольшее счастье – созерцать гору у её подножия.

Каждый месяц года в Поднебесной связывался с определённым цветком: хризантема – символ осени; дикая слива – зимы; пион – весны; лотос – лета. В самый жаркий месяц «человек с хорошим вкусом» будет наслаждаться у себя дома созерцанием «пейзажа с тенистыми рощами, в

которых хорошо укрываться от жары», а изображения «высохших деревьев и бамбука среди камней» можно держать в комнате в любое время года.

Тургенев бесконечно любил природу. Созерцать её красоту, сочетающую одновременно простоту и величие, было для него жизненной потребностью, источником творческого вдохновения, блаженством. Тургенев не только благоговел перед внешней красотой природы – он понимал душу и силу природы.

Интересна высказанная Тургеневым мысль о том, какую он избрал бы себе специальность, если бы мог заново начать жизнь: «Я выбрал бы карьеру пейзажиста. Пейзажист не зависит ни от издателя, ни от цензуры, ни от публики; он вполне свободный художник. В природе так много прекрасного, что сюжет всегда для него готов, готов целиком, умей только выбрать его. Расправь свой холст, бери краски и пиши. Лгать тут не нужно» [4, с. 136]. Создавая образ природы пером писателя, а не кистью художника, Тургенев в каждом своём произведении оказывался настолько правдив и красочен, что французский литературовед и искусствовед Ипполит Тэн назвал русского писателя «совершеннейшим из живописцев».

Тургенев является автором замечательных повестей и рассказов, посвящённых красотам и прелестям родной русской природы и, конечно, человека – венца этой самой природы. Впечатления, вынесенные из поры жизни, проведённой в Спасском-Лутовинове, нашли своё отражение в цикле рассказов «Записки охотника».

Ценность незавершённой формы (изображение части предмета).

Одним из приёмов в китайской живописи является изображение части предмета. Считается, что если на картине изобразить часть ветки дерева, то сила картины выходит вовне, связывая художника и зрителя с внешним окружающим миром. При этом часть энергии Космоса возвращается в картину как дополнительная.

Человек, рассматривая китайскую картину, должен уметь следовать за движением «ци», даже когда она выходит за пределы самой картины и

возвращается обратно. Это обязательное условие, которое достигается определённой тренировкой, чтобы не допустить рассеяния «ци».

Символическое отношение к форме хорошо раскрывается в притче о китайском художнике, который в конце концов свёл изображение дракона к одной-единственной чёрточке.

В одном из писем к Полине Виардо Тургенев говорит о том весёлом волнении, которое вызывает у него созерцание хрупкой зелёной веточки на фоне голубого далёкого неба. Тургенева поражает контраст между тоненькой веточкой, в которой трепетно бьётся живая жизнь, и холодной бесконечностью равнодушного к ней неба. «Я не выношу неба, – говорит он, – но жизнь, действительность, её капризы, её случайности, её привычки, её мимолетную красоту... всё это я обожаю» [4, с. 264]. В письме открывается характерная особенность писательского облика Тургенева: чем острее он воспринимает мир в индивидуальной неповторимости переходящих явлений, тем тревожнее и трагичнее становится её любовь к жизни, к её мимолетной красоте.

Разлитость и бесконечность природы в мире.

Тургенев считал, что красота – единственная бессмертная вещь, она разлита всюду, простирает своё влияние даже над смертью, но нигде она не сияет с такою силой, как в человеческой индивидуальности. Тургенев относился к природе, как к стихийной силе, живущей самостоятельной жизнью.

В Китае «мерой всех вещей» оказался не человек, а природа, которая бесконечна и поэтому непознаваема. Китайский художник воспринимает пейзаж как часть необъятного и просторного мира, как грандиозный космос, где человеческая личность ничто, она как бы растворена в созерцании великого, непостижимого и поглощающего её пространства.

Метафоричность и аллегоричность.

В некоторых произведениях Тургенева (например, в рассказе «Свидание») описание природы переключается с сюжетом как аллегория.

Время года – осень – традиционно символизирует в литературе заключительную фазу. В контексте сюжета – это конец взаимоотношений двух главных персонажей. Также и настроение осени – упадок, грусть, тревога – соответствует настроению описываемых в рассказе событий. Переменчивая погода – то дождь, то туча, то проблески солнца – словно повторяет игру настроений на лице главной героини.

Аллегория, символ и поэтическое образное толкование мира вошли в плоть и кровь китайской действительности. Мост через озеро, пещера в скалах, беседка в парке часто получали такие названия: «Мост орхидей», «Ворота дракона», «Павильон для слушания течения реки» либо «Беседка для созерцания луны». Детям часто давали и дают поныне поэтические имена, навеянные образами природы: «Ласточка», «Росточек», «Мэйхуа». Китайская живопись также очень метафорична. Например, сочетание бамбука, сосны и дикорастущей сливы мэйхуа (по-китайски: три друга холодной зимы), изображение которых мы беспрерывно встречаем и на китайских картинах и на вазах, означают стойкость и верную дружбу. Китайская живопись представляет собой объединение художественного искусства с поэтическим. На китайской картине нередко встретишь изображение пейзажа и иероглифические надписи, поясняющие суть картины.

В китайском пейзаже можно увидеть голые островерхие горы севера, меняя окраску от освещения дня. Белоснежные могучие сосны у их подножий, выжженные солнцем пустыни с остатками древних городов, заброшенные скальные храмы, тропические леса юга, населённые бесчисленным множеством зверей и птиц. Незнающий человек скажет, что картины Китая однотипны, что одни только ветки и горы. Однако за всей этой чудной природой кроются замечательные стихи. Лиричные и трепетные.

Метафизика.

Пейзажные картины в Китае считались проводниками метафизических сил. Благодаря собственной ци, человек причастен к великой энергии всей Вселенной. Китайцы полагают, что когда люди отправляются на природу, они

не просто восхищаются окружающим пейзажем, но и намерены получить частичку силы гор и или энергии воды – водопада, озера или реки. Именно по этой причине хорошие картины всегда обладают большой энергетикой. Она частично возникает из самих действий художника, но в основном она передаётся через мысленный, воображаемый образ. И далее по цепочке она передаётся зрителю, созерцателю картины. Создаются своеобразные каналы передачи энергии при её рассмотрении. Эти каналы можно прочувствовать, но нельзя просто увидеть.

Такую энергию «ци» мы чувствуем, когда видим изображения мостов через реки, горные вершины в облаках, сбегаящие со скал мощные потоки воды. Всё это несёт огромные потоки энергии.

Существуют и другие способы получения энергии. Например, считается, что на картине человек, который любит птиц в небе, должен обязательно смотреть по направлению их полёта, иначе поток «ци» будет прерван. То есть, китайцы всегда заботятся о том, чтобы энергия была в движении. Особая энергетика передаётся также через краски картины.

Некоторые исследователи утверждают, что Тургенев в своих таинственных повестях и «Стихотворениях в прозе» полностью ушёл в мистико-фантастический мир, и что в поздний период творчества мировоззрению художника вообще стала близка мистика» [3, с. 58]. Так, например, слово «волна» Тургенев употребляет не в общепринятом значении (водяные бугры [образующиеся в ветреную погоду]); у него это слово содержит намёк на воплощение смерти (« ... мы уже раздавлены, погребены, потоплены, унесены той, как чернила чёрной, льдистой, грохочущей волной!» – «Конец света», т. 10, с. 135). «Для «Стихотворений в прозе» весьма характерно чередование бытовых сцен и сверхъестественных элементов. Цель этого художественного приёма – с помощью романтической гиперболы рельефнее передать существо реальной действительности» [3, с. 233]. Например, тургеневская ночь явно метафизична: не только жутка и таинственна, она ещё и царственно прекрасна своим «тёмным и чистым

небом», которое «торжественно и необъятно высоко» стоит над людьми, «томительными запахами», звучными всплесками больших рыб в реке. Она духовно раскрепощает человека, очищает его душу от мелких повседневных забот, тревожит его воображение бесконечными загадками мироздания:

«Я поглядел кругом: торжественно и царственно стояла ночь... Бесчисленные золотые звезды, казалось, тихо текли все, наперерыв мерцая, по направлению Млечного Пути, и, право, глядя на них, вы как будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бег земли» [3, с. 234].

Бесконечное звёздное небо надо мной, по Канту, и категорический императив – живут во мне. И что первично – остаётся загадкой. Именно в этой загадочности и рождается гармония, особое состояние духа, столь влекущее внимание любого китайского читателя.

Художник – наблюдатель.

Китайский художник до того, как писать свои картины, подобно естествоиспытателю, с бесконечной тщательностью изучал природу во всех мельчайших её проявлениях. Он прекрасно знал структуру каждого листа, движение медлительных гусениц, пожирающих спелые плоды, он знал мягкую поступь крадущегося тигра и настороженный поворот головы молодого оленя, прислушивающегося к шорохам леса. Живописец словно посвящает зрителя в скрытые от него многочисленные тайны природы.

Такие же наблюдения над природой проводил и Тургенев, когда-то мечтавший стать пейзажистом. Об этом свидетельствуют «Записки охотника», в которых русский классик выступил настоящим наблюдателем: «простота, ясность линий, о которых Тургенев по скромности говорил как об идеалах, ... свидетельствуют о его необыкновенной наблюдательности, но и умении в микрокосме видеть и находить тенденцию, анализировать её. В этом сосредоточенном и рельефном описании природа живёт во всей своей первозданности, и автор чувствует себя самого частью её. Здесь природа как бы сама сосредоточилась в человеке, в его восприятии, ощущении и оценке... Сам Тургенев никогда не становился в «позитуру» перед природой. Опираясь

на традиции устного поэтического творчества народа, именно из природы, окружающей человека, писатель черпал большинство своих сравнений и метафор.., природа наводила его на создание ярких, впечатляющих образов» [3, с. 18].

Импрессионистичность пейзажа.

Объектом изображения в китайском пейзаже является даже не сам пейзаж в европейском смысле этого слова, а неуловимо меняющееся состояние природы (своеобразный китайский импрессионизм) и переживание этого состояния человеком. Поэтому сам человек, даже если он изображается в пейзаже, никогда не занимает в нём главного места и выглядит маленькой фигуркой, сторонним наблюдателем.

В описании природы Тургенев стремится передать тончайшие нюансы. Недаром в тургеневских пейзажах Проспер Мериме находил «ювелирное искусство описаний». И достигалось оно главным образом, с помощью сложных определений: «бледно-ясная лазурь», «бледно-золотые пятна света», «бледно-изумрудное небо», «шумливо сухая трава».

У Тургенева пейзаж играет огромную роль во всех произведениях. Он не только отражает переживания героев, но и выполняет свою наиболее важную функцию – переводит ситуацию в вечный план, подчёркивая мысли автора о вечности и бесконечности природы, позицию по отношению к вечным проблемам человечества.

Создание элегического эмоционального тона – посредством включения лунного пейзажа автору удается погрузить читателя в мир тоски, печали, грёз, тайны. Эта функция ярко представлена в лунных пейзажах Тургенева.

Лунный пейзаж является составляющей романтического пейзажа, потому что мотив ночи становится аллегорической завязкой драматических событий, окутан тайной и мистикой. Использование лунного пейзажа придаёт романтические черты их творчеству. Китайцев называют «детьми лунного света». Луна для них – точка отсчёта времени. Лунный календарь, лунные лепёшки, луноликие красавицы... Мало для китайского сознания одной луны.

Именно поэтому в китайской мифологии было девять лун. Луна – время темноты, покоя, сосредоточения, а, самое главное, столь редкого для полутора миллиардного населения Китая – уединения (обращение к звёздному небу и категорическому императиву в себе).

Список литературы

1. Ван Лие. Тургенев в восприятии классиков китайской литературы XX века // Балтийский филологический курьер. 1996. № 4. С. 312-320.
2. Вэй Лин. Предисловие к переводу полного собрания И.С. Тургенева. Шанхай, 1994. С. 1-17.
3. Пустовойт П. И. С. Тургенев – художник слова. М.: МГУ, 1980. 376 с.
4. Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Художественная литература, 1954.

УДК 821.8

О.Ю. Баранова
Забайкальский государственный университет,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы
E-mail: olesja2774@rambler.ru
Б.М. Сундуева
Забайкальский государственный университет,
магистрант
E-mail: baira.sundueva@mail.ru

Метафора молчания в этнической биографии Максин Хонг Кингстон «Воительница»

Аннотация: В статье анализируется роман китайско-американской писательницы Максин Хонг Кингстон «Воительница». Акцент сделан на жанре произведения – «этническая автобиография» – и репрезентации в нем метафоры молчания как отражении национальной традиции и как культурного кода самоопределения.

Ключевые слова: этническая автобиография, пограничная автобиография, двойственность мироощущения, идентичность, аутсайдер, инаковость, кросскультурная ситуация.

Olesja Y. Baranova

Transbaikal State University
Candidate of Philological Sciences, associate professor,
E-mail: olesja2774@rambler.ru
Baira M. Sundueva
Transbaikal State University,
master course in literature of peoples of foreign countries,
E-mail: baira.sundueva@mail.ru

The Metaphor of Silence in the Ethnic Autobiography “The Woman Warrior” by Maxine Hong Kingston

Summary: In the article “The woman warrior” by Maxine Hong Kingston Chinese-American writer is analyzed. The emphasis is made on the genre of ethnic autobiography and representation of metaphor of silence as a national tradition tribute and cultural code of self-determination.

Keywords: ethnic autobiography, border autobiography, twoness of attitude, identity, outsider, otherness, cross-cultural situation.

Произведение Максин Хонг Кингстон «Воительница» представляет собой особый вариант автобиографической литературы, который именуется «этнической» автобиографией или «автобиографией пограничья». Особенность ее состоит в том, что автор вынужден создавать текст на «чужом» языке, сохраняя при этом принадлежность к родной культуре.

Максин Хонг Кингстон – популярная американская писательница китайского происхождения, лауреат the National Book Critics Circle Award for non-fiction.¹

Она родилась 27 октября 1940 года в г. Стоктон, штат Калифорния. Многие критики называют её первым автором азиатско-американского романа. Ее девичье имя Максин Тин Тин Хонг. Родители – Том и Ин Лань Хонг, иммигранты первого поколения. Максин Х.Кингстон – третья из восьми детей и самая старшая из шести, рожденных в Америке. Отец в Китае занимался преподаванием. В 1927 году эмигрировал в США. По словам Кингстон, он пытался попасть в Америку через Кубу, все время находясь в деревянном ящике. Трижды его ловили и депортировали, прежде чем он

¹ Лауреат Национальной премии круга литературных критиков в номинации проза.

окончательно обосновался в этой стране. Как и все иммигранты, он начинал свой путь с тяжелой работы: прачечная, шитье одежды, работа на железнодорожных путях или в полях. Благодаря накопленным сбережениям, он смог стать менеджером в игорном доме, за что часто подвергался аресту. Каждый раз Том ухитрялся менять свое имя, чтобы избежать депортации. Ин Лань смогла приехать к мужу только в 1940 году, и спустя один год родилась Кингстон. Ее назвали Максин в честь одной удачливой женщины – картежницы игорного дома, надеясь на то, что и дочери так же будет везти. Родители никогда не поддерживали дочь в стремлении хорошо учиться, отчасти из-за консервативной китайской культуры, в которой женщина должна находиться дома. Несмотря на это, Максин рано начинает писать: в школе пишет эссе «Я – американка», получая приз - пять долларов от журнала «Девушка Америки» [7, с. viii]. В старших классах Кингстон выделяется среди своих одноклассников и получает 11 учебных стипендий, которые дают возможность поступить в Калифорнийский университет в Беркли [7]. В 1962 году ей присуждают степень бакалавра на английском языке. В том же году она выходит замуж за актера Эрла Кингстона. Три года спустя Максин Хонг Кингстон получает сертификат преподавателя. Она преподает английский, математику, а в свободное время пишет.

В 1976 году был опубликован ее первый роман «Воительница». Полное название произведения «Воительница: воспоминания о детстве среди призраков». Автор смогла отразить личный опыт становления личности в кросс-культурных условиях, опираясь на элементы вымысла и фольклора. «Мемуары о «детстве среди призраков» отражают сложную жанровую и нарративную структуру текста, в котором сплетаются древнекитайские легенды и повествование о жизни эмигрантов в Калифорнии в середине XX в. Роман-автобиография представлен историями о «женщине без имени», мифе о воительнице Фа Му Лан, о матери героини – Храброй Орхидее, сестре матери Лунной Орхидее, и, наконец, собственная история автора. М.В.Тлостанова отмечает, что произведение М. Кингстон долгое время

воспринималось как реальная биография, «основанная на пресловутой «племенной психологии», но перед Кингстон вовсе не стояла задача показать то, что типично, или выразить суть китайско-американского опыта как такового. Ее роман представляет, прежде всего, выражение предельно личностной, индивидуальной сферы, хотя и в ее соотнесенности <...> с различными субкультурными, групповыми традициями» [2, с. 257].

Выбор М.Х. Кингстон «другого» языка для рассказа о «собственном опыте» жизни переводит достоверную, согласно традиционному жанру, информацию в иллюзию. Эту мысль подтверждает кубинский литературовед и писатель Густаво Перес-Фирмат в своей автобиографии: «Тот факт, что я пишу по-английски, уже заведомо искажает то, что я хочу сказать. Об этом я, собственно, и пишу, о том, что я не принадлежу ни английскому, ни испанскому всецело<...> Много раз английский казался мне недостаточным, как словарь с отсутствующими буквами; но все же я не смог бы писать по-испански – по культурным, а не лингвистическим причинам» [6, с. 273].

Переход на другой язык способствует формированию «двойного»/ «двойственного» дискурса пограничной автобиографии, которая постоянно балансирует между индивидуальным и культурно-групповым опытом, «новой» и «своей» культурами, родным и чужим способами вербального самовыражения, американскими ценностями и теми, что характерны для определенных субкультурных групп (китайской).

Особенность этнической автобиографии еще и в том, что в процессе письма автор пытается создать «новые версии себя», причем важно, чтобы «новое я» было тщательно и сознательно вписано или, напротив, отгорожено от культуры «мейнстрима». Неслучайно Кингстон начинает свое повествование с истории о женщине без имени, знакомя читателя с положением женщин в традиционном Китае (безымянность героини говорит о невозможности воспринимать себя личностью в патриархальном обществе).

Повествовательная манера меняется, рассказчица как будто ищет свой личный голос, обращаясь к воспоминаниям матери, к своим личным детским ощущениям, воспоминанием о тете.

Но обретению голоса предшествует период молчания, безмолвия, тишины, как метафоры отсутствующей или еще несформировавшейся идентичности.

Молчание – весьма сложный психолого-коммуникативный феномен. В одной из первых его классификаций, предложенных Т. Брюно, различается: 1) психологическое молчание, когда при декодировании и интерпретации сообщения адресант испытывает затруднение; 2) интерактивное молчание – интенциональные паузы в разговоре, позволяющие адресату решить свою коммуникативную задачу; 3) социокультурное молчание, интерпретируемое с помощью культурного кода [5, с. 80]. Многие теоретики пограничной литературы, а в частности китайско-американской литературы, сталкиваются с мотивом молчания женщин в творчестве пограничных авторов. Так, Е.М. Караваева в своей диссертационной работе «Конфликт поколений в романах Максин Хонг Кингстон и Эми Тэн: к проблеме поиска идентичности в азиатско-американской литературе США последней трети XX века» ассоциирует молчание с понятием «умолкнувших идентичностей», которое «наиболее часто возникает в произведениях азиатско-американских писателей в связи с художественным осмыслением маргинального положения восточной женщины, которая испытывает на себе двойное угнетение: как со стороны колониальных, так и со стороны патриархальных институтов, всячески стремящихся контролировать ее действия» [3]. «В диссертационных исследованиях У. Энн Хоу и Д. Гавиоли уделяется пристальное внимание теме матерей-дочерей и связанному с ней мотиву молчания матерей. Так, Д. Гавиоли верно замечает, что в романе «Клуб радости и удачи» Э. Тань даёт возможность матерям прервать своё молчание, так называемую «культурную немоту» [4]. «Обыгрывание голоса/отсутствия одного в символическом и буквальном смысле становится вообще одной из любимых метафор «в

литературе пограничья», – пишет М.В. Тлостанова [2, с. 239]. Она приводит в качестве примеров роман «Я возьму на себя» (1997) Бхарати Мухери, автобиографическую книгу Одре Лорд, а также роман М.Х. Кингстон «Воительница».

Женщина, о которой идет речь в первой главе книги – сестра отца Кингстон. Родив ребенка вне брака, она молча принимает нападки односельчан. У нее не остается другого выхода, кроме как утопиться. История другой тети героини романа – Лунной Орхидеи, которая является сестрой матери Кингстон, также имеет негативные последствия. Храбрая Орхидея позвала сестру приехать из Гон Конга для того, чтобы сообщить ей новость о том, что муж Лунной Орхидеи, который больше десяти лет уехал на заработки в Америку, на самом деле женат на другой. Мать Кингстон возмущена и требует от своей сестры заявить о своих правах. Лунная Орхидея – кроткая женщина, ей достаточно того, что муж все эти годы посылает деньги. Кингстон характеризует ее как типичную китаянку, воспитанную в духе старых традиций. Лунная Орхидея боится предстоящей встречи. Муж, преуспевающий врач в Америке, испытывает чувство стыда за свою китайскую жену, которая не вписывается и не сможет вписаться в его новую американскую жизнь. Он просит сохранить тайну. Дальнейшая судьба Лунной Орхидеи весьма трагична: она в одиночестве сходит с ума, ей везде мерещатся «призраки». Кингстон, вспоминая историю тети, которая сошла с ума, делает для себя вывод: молчание и прерывание молчания имеют непосредственное влияние на вменяемость и невменяемость. Анализируя эти две истории, автор говорит, что молчание в патриархальной китайской культуре – есть главная добродетель женщины, ее непротивление и покорность.

Угнетенное положение женщины уже с детства ощущает на себе М.Кингстон. Например, когда дядя на выходных берет детей на прогулку по магазинам, он говорит, что только мальчикам разрешено с ним идти. Дни рождения устраиваются только для мальчиков. Героиня часто слышит, что в

Китае, девочки – это лишний рот, и, чтобы избавиться от них, их либо продают, либо бросают в реку. Из разговоров взрослых она осознает, что «женщины рождены быть домохозяйками или рабынями».

Многие авторы «пограничья», в том числе и М. Кингстон, в детстве испытывали чувство «инаковости», «несоответствия определенной культуре». Они часто обращаются к эпизодам детства, чтобы восстановить свою автобиографию и попытаться переосмыслить накопленный опыт. В результате традиционное молчание женщин приобретает у М.Кингстон другую окраску.

Молчание можно рассматривать как невозможность вписаться в другую культуру. У маленькой Кингстон появляются проблемы с английским языком. «Мне нравилось молчать», – пишет она, характеризуя свое пребывание в детском саду. Молчание выразилось в рисунках, где «густой слой черного цвета покрывал дома, цветы, солнце». Кингстон часто представляла «черный занавес, который поднимается, появляются лучи солнца и вид великолепной оперы». Черный цвет – это граница между двумя культурами, препятствие к «цветному» пространству, некая пустота, которая требует преодоления. Черный цвет может быть рассмотрен и как символ тишины, безмолвия, с которым сталкивается героиня. Кингстон трудно сделать шаг из китайской семьи в новое американское общество, где ей суждено жить и общаться. Маленькая девочка со временем начинает осознавать свою проблему тишины, которая отражается на оценках об успеваемости. 'I did not speak and felt bad each time that I did not speak. I read aloud in first grade, though and heard the barest whisper with little squeaks come out of my throat. 'Louder', said the teacher, who scared the voice away again...Reading out loud was easier than speaking because we did not have to make up what to say, but I stopped often, and the teacher would think I'd gone quiet again. I couldn't understand 'I'. The Chinese 'I' has seven strokes, intricacies. How could the American 'I', assuredly wearing a hat like the Chinese, have only three strokes, the middle so straight? What is out of politeness that this writer left

off strokes the way a Chinese has to write her own name small and crooked?» [1, с. 197]². Английское слово «here» (здесь) также смущало ее. Учительница, которая каждый день объясняла, как нужно читать «I» и «here», непонятливую Максин в качестве наказания ставила в угол под лестницей, где обычно сидели шумные дети. «В случае с Кингстон языковая «пропасть» между английским и китайским», – пишет М. Тлостанова, – «почти непреодолима... писательница, подчеркивая роль английского в формировании ее культурной идентичности, а затем и авторского «я», имеет в виду, прежде всего, не столько сам язык, сколько связанную с ним логику, рациональное мироосмысление, прагматическую «простоту» объяснимого мира... смешивая два способа видения, две культуры, часто таким немыслимым образом, что рождается на свет абсолютно негармонический монстр – гибрид – сочетание несочетаемого» [2, с. 237].

В связи с этим интересен такой факт биографии героини Кингстон, как подрезание уздечки, чтобы дочь могла свободно говорить на разных языках (в котором, кстати, она сомневается). Е.М. Караваяева интерпретирует это действие, как «стремление лишить ее возможности выражать самое себя, так словно ей подрезали крылья» [3, с. 97]. Также подрезание языка можно расценить и как отрыв от культурных корней. Кингстон кажется, что ее горло часто болит, особенно тогда, когда ей нужно спросить о чем-то важном. У нее возникает желание о многом спросить, но незаданные вопросы устаревают, заменяясь новыми. ‘If only I could let my mother know the list, – she – and the

² *Здесь и далее перевод наш.* «Я не разговаривала и каждый раз чувствовала себя от этого хуже. В первом классе я стала читать вслух, и все-таки, из моего горла выступал со скрипом едва слышимый шепот. «Громче!», - говорила учительница и мой голос от испуга снова прятался. Чтение вслух было легче, чем разговор, потому что нам не надо было думать, о чем говорить, но я часто останавливалась и учитель думал, что я снова молчу. Я не могла понять слово «Я». Китайский иероглиф, обозначающий «Я», имеет семь черт в написании. Как американское «Я», с уверенностью держа шляпу наверху, подобно китайскому «Я», может иметь всего лишь три черты в написании, где средняя такая прямая? Может быть, из вежливости этот автор не дописал черты, чтобы китайский автор смог написать изогнутые линии своего «Я»?»

world – would become more like me, and I would never be alone again’ [1, с. 235]³. Мотив молчания может быть рассмотрен и как способ самосохранения. Он напрямую связан с образом-призраком, где «призрак – это не только привидение в буквальном смысле, это и любой «чужак», аутсайдер, не находящий себе постоянного и определенного места в культуре, системе ценностей, не соответствующий определенным нормам и потому ассоциирующийся с молчанием, с символической «пустотой», с физическим небытием. Закономерным является поэтому и восприятие американцев, как большинства иностранцев (за исключением японцев) как призраков живой пустоты, существующих по непонятным «чужим» законам на своей «Золотой Горе».

В Америке окружающий враждебный мир и вовсе состоит из зловещих механизмов и «призраков» – белых призраков таксиста и почтальона, полицейского и пожарного, продавцов и социальных работников, и черных призраков, смеющихся и глядящих широко открытыми глазами, способных видеть окружающий мир и слышать других людей. Чтобы выжить, надо общаться с призраками в магазине и на почте, с молочным призраком и с мусорным призраком, у которых свой язык и свои представления обо всем, непонятные и нелогичные для родителей героини» [2, с. 237]. «It seemed as if ghosts could not hear or see very well... We did not bother to lower the windows one morning when the Garbage Ghost came. We talked loudly about him through the fly screen, pointed at his hairy arms. Come see the Garbage Ghost get its food. ‘The ...Gar...bage...ghost’, he said, copying human language. We ran, screaming to our mother. ‘Now we know’, she told us, ‘the White ghosts can hear Chinese. They have learned it. You mustn’t talk in front of them again’ [7]⁴. Маленькая

³ Если бы только моя мама знала об этом списке вопросов, она – и весь мир – стали бы похожими со мной, и я не чувствовала бы больше одиночество

⁴ Считается, что призраки не могут слышать или видеть. Однажды утром мы не закрыли окна, когда пришел Призрак, ищущий мусор. Мы стали громко обсуждать его волосатые руки. «Идите, смотрите, как Призрак ищет себе еду», - кричали мы. «При-з-рак, ищу-щий-му-сор», – повторил он за нами. Мы с криком побежали к матери. «Теперь мы

Кингстон понимает, что с белыми призраками надо вести себя с осторожностью. Ее родители опасаются, что дети могут выдать определенные факты из их жизни, которые могут повлиять на депортацию из страны. Поэтому они не разрешают общаться с американскими «призраками». Однажды Кингстон едва не проговорила учителю о том, что ее отец вовсе «не фермер, а ... азартный игрок». ‘We have so many secrecies to hold in. ...sometimes I hated the ghosts for not letting us talk; sometimes I hated the secrecy of Chinese. Don’t tell,’ said my parents [1, с. 117]⁵.

Если в детстве, преодолевая молчание, героиня Кингстон уходила в творчество, то став взрослой, она находит себя в фантазиях, воображая о том, как становится воительницей Мулан, могущей изменить мир и себя саму.

В последней главе книги под названием «Песня чужеземной свирели» Кингстон рассказывает историю о поэтессе Цай Йен, жившей в 175 г. н.э. «Когда ей было 20 лет, ее народ подвергся нападению южных гунну, после чего она стала женой одного из предводителей. Ее дети не говорили по-китайски, и, когда мужа не было дома, она старалась говорить с детьми на родном языке, но они в ответ только смеялись.

В качестве одного из методов устрашения врага гунну использовали высушенный тростник. Он прикреплялся к гриве, хвосту лошади и к флагштоку, в тростниковые отверстия присоединялись перья и стрелы. Во время битвы стрелы свистели. Цай Йен считала этот звук единственной музыкой племени. Но однажды ночью она услышала звук сотни флейт, извлекаемый варварами. Высокие длинные ноты были подобно сосулькам в пустыне. Резкость и холод этих нот вызывали в Цай Йен боль. Тревога не давала покоя. В один прекрасный день чужеземцы услышали голос женщины, настолько чистый и высокий, что он смог слиться в гармонию с их флейтами. Цай Йен пела песню о Китае и ее родителях. Варварам не понятны были слова песни: она пела на китайском. Но им были понятны печаль и гнев

знаем, – сказала она нам, – что белые призраки понимают китайский. Они научились. Вы не должны разговаривать с ними».

мелодии. В какие-то моменты им слышалась их родная варварская речь. Дети Цай Йен уже не смеялись, а пели вместе с ней. Спустя несколько лет ее выкупил отец и выдал замуж за Тун Су, чтобы продолжить китайский род. Цай Йен привезла с собой песни, три из которых сохранились в виде «18 строф для чужеземной свирели» [1, с. 249]. История жизни Цай Йен похожа на жизнь Кингстон: обе женщины находятся в чужой для них культуре. Также существует сходство между поэтессой и родителями Кингстон: Цай Йен насильственно вырвана из родной среды, Том и Ин Лань Хонг вынуждены из-за сложной политической и экономической ситуации в Китае эмигрировать в США. Цай Йен характеризует захватчиков как варваров, Бравая Орхидея также называет американцев варварами. Поэтесса поет песню о родине, что означает ее воспоминание о культурном прошлом, задача рассказов матери Кингстон состоит в том, чтобы сохранить культурные традиции Китая. Анализируя опыт Цай Йен в примирении с чужеземцами, Кингстон осознает возможность гармоничного пребывания и в американской, и китайской культурах, но пока для нее пространство «между» некомфортно.

Пограничная автобиография обманчива и противоречива. Связи текстуального «я» с реальностью, посредством которых воссоздается образ или эффект реальности, наслаивается на сугубо литературный, откровенно вымышленный пласт, где несуществующее в реальности «я» создается лишь посредством языка и формирует осознаваемый автором и, в идеале, читателем эффект правдоподобия, а не реальности. Несмотря на условность и миражность «я» в этнической автобиографии, и ее создатель, и читатель все равно стремятся к наиболее полному воссозданию и восприятию ускользающего, ненадежного, множасьегося текстуального двойника реального человека, который и находит выражение в «я» автобиографии, написание которой «в какой-то мере является символическим актом закрепления автором своего с трудом обретенного голоса» [4, с. 97].

Список литературы

1. Maxine Hong Kingston. The woman warrior. London: Picador Classic, 2015. 253 p.
2. Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000, 400 с.
3. Караваева Е.М. Конфликт поколений в романах Максина Хонг Кингстон и Эми Тэн: к проблеме поиска идентичности в азиатско-американской литературе США последней трети XX века // URL: <http://www.dissercat.com/content/konflikt-pokolenii-v-romanakh-maksin-khong-kingston-i-emi-ten-k-probleme-poiska-identichnost#ixzz4wI BFhqm5>
4. Караваева Е.М. Героини романа Максина Хонг Кингстон «Воительница»: выбор этно-культурных масок // URL: <https://mgimo.ru/library/publications/48110/>
5. Копылова Т.Р. Виды молчания: подходы к классификации: Вестник Удмуртского университета. Серия: История и Филология. 2016. Т.26. Вып.3. С. 80-84
6. Эра Агасфера, или Как сделать читателей менее счастливыми // Иностранная литература. 2003. № 1 С. 273
7. Maxine Hong Kingston Biography // Cliffs Notes / URL: <https://www.cliffsnotes.com/.../maxine-hong-kingston-biogr...>

УДК 82

С.В. Петухов

Ленинградский областной институт развития образования
кандидат филологических наук, доцент, методист

E-mail: sergeypetuhov@mail.ru

Е.А. Соколова

Ленинградский областной институт развития образования
кандидат философских наук, доцент,

заведующая кафедрой филологического образования

E-mail: sokolovapr@yandex.ru

Литературная гостиная как способ реализации креативного потенциала обучающихся

Аннотация: В статье представлен опыт проведения литературной гостиной «Любовь в русской литературе XIX – начала XX веков», в рамках которой демонстрируются возможности использования внеурочных форм деятельности в учебном процессе.

Ключевые слова: Литературная гостиная, театр, литература, тема любви, внеурочная деятельность.

S.V. Petukhov
Leningrad Regional Institute for Educational Development,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Methodist
E-mail: sergeypetuhov@mail.ru

E.A. Sokolova
Leningrad Regional Institute for Educational Development
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Philological Education
E-mail: sokolovapr@yandex.ru

Literary Salon as a Way to Realize the Creative Potential of School Students

Annotation: The article presents the experience of holding the literary salon “Love in Russian literature of the XIX – early XX centuries” and demonstrates the possibilities of extra-curricular forms of activity in the educational process.

Key words: Literary salon, theater, literature, love subject, extra-curricular forms of activity.

Есть дача за Невой,
Вёрст двадцать от столицы,
У Выборгской границы,
Близ Парголы крутой...
Но мы забудем шум
И суеты столицы,
Изладим колесницы,
Ударим по коням
И пустимся стрелою
В Приютино с тобою.
Согласны? – По рукам!

К.Н. Батюшков. «Послание к Тургеневу»

Современное российское литературное образование в условиях реализации ФГОС ООО является неотъемлемой частью общего процесса духовного развития нации. Русская классическая литература была и остаётся неиссякаемым источником познания мира и человека, тем культурным кодом, без которого невозможна самоидентификация и этническая самобытность.

Владимир Путин в статье «Россия: национальный вопрос» впервые подробно коснулся проблемы национального культурного кода и с целью его сохранения и укрепления указал на повышение в образовательном процессе роли таких предметов, как русский язык, русская литература, отечественная история в контексте всего богатства традиций и культур нашей страны. В концептуальной части Федерального компонента государственного стандарта общего образования по литературе особое внимание уделено необходимости формирования у учащихся ценностных ориентиров, художественного вкуса, эстетических и творческих способностей и, в немалой степени, «пониманию особой роли поэтического ландшафта» [3, с. 129].

В данной статье мы хотим представить опыт проведения литературной гостиной на тему «Любовь в русской литературе XIX – начала XX веков».

Цель данного мероприятия – осмыслить и представить концепцию любви в творчестве русских писателей конца XIX – начала XX веков в инновационном художественно-эстетическом и культурологическом пространстве.

Задачи:

- создать представление о литературе как едином национальном достоянии в контексте творчества русских писателей конца XIX – начала XX веков в историко-культурной музейной среде усадьбы Приютино;

- стимулировать творческую активность учащихся через свободный выбор текстового материала и его художественно-сценической интерпретации;

- воспитывать нравственный идеал человека и гражданина на примерах русской классической литературы и культуры России в целом и Ленинградской области как малой Родины в частности.

Именно литературная гостиная является одним из способов реализации креативного потенциала школьников, их погружения в мастерскую писателя и художественный мир произведения, стимулом для более глубокого постижения предмета.

Литературная гостиная – одна из форм интеллектуального, нравственного и эстетического воспитания. Встреча в особой атмосфере, декламация художественных текстов, прослушивание музыкальных композиций, инсценировки и театральные импровизации – всё это способствует формированию потребности видеть, чувствовать и самим творить прекрасное.

Литературная гостиная приобщает учащихся к чтению и воспроизведению художественной литературы, это своеобразная технология интеллектуального развития, способ обретения культуры, средство для решения жизненных проблем. Гостиная стимулирует творческую активность учащихся, реализуемую в различных видах литературной деятельности.

Проведение литературной гостиной предполагает создание особой атмосферы, реалистичной и таинственной, прикосновение к живительному источнику звучащего слова, которое утоляет жажду ищущего в пустыне бытия. Огромную роль в этом играет место проведения гостиной, которое может быть и обычным классом, и камерным залом, и площадкой на пленэре. Но когда её действие происходит в исторически сакральном топосе, это приобретает особую эстетически значимую ценность в самых разных культурных локусах России [4, с. 34–42].

Таким местом для проведения литературной гостиной «Любовная линия в русской литературе XIX – начала XX веков» при участии «Театра-студии «Эксперимент» (руководитель Н. П. Соболева) был выбран музей-усадьба «Приютино» (г. Всеволожск Ленинградской области), пространство которого наполнено творческим духом бывавших в нём поэтов, художников и музыкантов.

Литературная гостиная напоминает салоны XIX века, ставшие настоящим феноменом художественной жизни России [2]. Они, обогатив русскую культуру в целом, способствовали духовно-нравственному развитию и воспитанию творческой интеллигенции. В салоны, как сугубо дворянское явление нашей культуры, приходили единомышленники.

Литературные салоны и домашние спектакли часто проводились в усадьбе Приютино, которая принадлежала потомственному дворянину, российскому государственному деятелю, историку и художнику А.Н. Оленину. В его доме в разные годы собирались поэты К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, А.С. Грибоедов, В.А. Жуковский, Н.М. Рубцов, художники В.Л. Боровиковский, Карл и Александр Брюлловы, А.Г. Венецианов, О.А. Кипренский, композиторы и музыканты А.А. Алябьев, М.И. Глинка, А.Ф. Львов. В течение тридцати лет (с 1806 года) И.А. Крылов часто посещал Приютино, подолгу жил у Олениных, написал здесь многие свои басни. Молодой Пушкин тоже бывал в усадьбе Приютино, а любовь к младшей дочери Олениных Анне вдохновила его на создание цикла лирических стихотворений, одно из которых «Я вас любил...» поэт вписал в альбом девушки [1].

Именно тема любви в русской литературе XIX – начала XX веков была выбрана для проведения литературного салона-гостиной в музее-усадьбе Приютино. При этом основной акцент был сделан на инновационность в проведении нетрадиционного мероприятия в уникальном художественно-эстетическом пространстве с учётом культурологического, искусствоведческого (памятник архитектуры музей-усадьба Приютино), метапредметного и исторического дискурсов. Комплексное воздействие обостряет сценическую и художественную восприимчивость учащихся, развивает ассоциативное и образное мышление и, в конечном счете, «оказывает влияние на общий гуманитарный уровень» [5, с. 55].

На протяжении столетий многие художники слова посвящали свои произведения великому чувству любви, и каждый из них находил что-то неповторимое, индивидуальное в этой теме. Своеобразные диалоги о любви в литературной гостиной на этот раз были построены на текстах Антона Чехова, Александра Куприна, Надежды Тэффи и Ивана Бунина.

Для того чтобы показать разные концепции любви в русской литературе, необходимо было расширить культурно-эстетическое поле и

отказаться от замкнутости на одном авторе и произведении, поскольку салон предполагает встречу разных представителей творческой интеллигенции. Таким образом, в рамках литературной гостиной с использованием эффекта киноленты произошло ретроспективное погружение в эпоху и национальный художественный колорит.

При создании проекта литературной гостиной была реализована идея сетевого взаимодействия всех её участников: актрисы Пушкинского театра Марии Ефремовой, педагога высшей школы Елены Соколовой, хранителя музея-усадьбы Приютино Нины Антоновой, школы искусств им. Глинки г. Всеволожска, Дворца детского (юношеского) творчества Всеволожского района, учащихся школ № 1, 2, 6 г. Всеволожска Ленинградской области.

Структура литературной гостиной

1. Встреча зрителей под сопровождение живой музыки (концертмейстер – Александра Мареева, педагог музыкальной школы г. Всеволожска).

2. Открытие литературной гостиной. Романс А. Даргомыжского на стихи А. Пушкина «Ночной зефир струит эфир» (исполнитель – Анна Романова, ученица театра-студии «Эксперимент», концертмейстер – Александра Мареева).

3. Вступительное слово о завершении годового цикла литературных гостиных и салонов в рамках проекта театра-студии «Эксперимент» (Мария Ефремова, актриса театра «Пушкинская школа»).

4. Рассказ хранителя музея-усадьбы «Приютино» об этом месте. Его историческая ценность и роль в современной жизни (Нина Антонова, хранитель музея-усадьбы «Приютино»).

5. Стихотворение А. С. Пушкина из цикла любовной лирики «Пустое вы сердечным ты...» под музыкальное сопровождение (исполнитель – Нина Антонова, концертмейстер – Александра Мареева)

6. Рассказ об авторах, чей литературный материал использован в литературно-музыкальной композиции «О любви» театра-студии. Любовная

линия в произведениях И. Бунина, Н. Тэффи, А. Куприна и А. Чехова (Елена Соколова, педагог театра-студии «Эксперимент»)

7. Выдержка из произведения Куприна «Гранатовый браслет» с музыкальным сопровождением (исполнитель – Елена Соколова, концертмейстер – Александра Григорьевна)

8. Литературно-музыкальная композиция «О любви» (исполнители: Романова Анна, Иванова Маргарита, Крашенинникова Вероника, Барклянская Виктория, Бутвина Даниил, Морозова Татьяна, Тимофеева Виктория – ученики театра-студии «Эксперимент»).

В мини-спектакле были использованы произведения «Таня» и «Чистый понедельник» И.А. Бунина, «Шляпа» и «О любви» Н. Тэффи, «Гранатовый браслет» и «Олеся» А.И. Куприна, «В Рождественскую ночь» А.П. Чехова, а также большой вальс из балета «Анюта» В. Гаврилина, «Итальянская полька» С. Рахманинова, Рождественские песнопения в исполнении хора женского монастыря.

Описание литературной гостиной для обучающихся

Любовь волновала человечество во все времена. На протяжении веков художники слова посвящали свои произведения этому великому чувству, и каждый из них находил что-то уникальное в этой вечной теме.

Именно любви посвящена литературная гостиная, которая перенесёт Вас в атмосферу начала XX века. Это время, когда творческая интеллигенция жила ощущением грядущих перемен, во многом катастрофических для России. Но именно тогда под пером русских писателей и поэтов Антона Чехова, Александра Куприна, Надежды Тэффи и Ивана Бунина восплалялся нерв любви, ироничной и печальной, светлой и трагической, вспыхивающей и угасающей...

Вместе с Вами мы проведём время в удивительном месте – усадьбе Приютино под Петербургом, куда приезжал сам Александр Сергеевич Пушкин с потрясающими стихами о любви... Это сакральное место дышит любовью. Оно хранит её тайны.

Мы погрузимся в атмосферу салонного вечера Олениных, где под звуки рояля звучал романс Даргомыжского в прекрасном исполнении Марии Романовой, в традициях домашнего Приютинского театра юными актёрами театра-студии «Эксперимент» будут разыграны сцены из произведений самых разных по духу и творчеству писателей, но объединённые одной темой – силой Любви, в какой бы форме и какими чувствами она бы не выражалась.

Выбор творчества российских писателей также явил собой продолжение традиций Оленинского дома, в котором хозяин принимал писателей и поэтов разных литературных направлений с одинаковым почтением, так как главными критериями ценности для него были прежде всего талант, искренность чувств и любовь во всей её многогранности.

Вместе с Вами мы постараемся понять, как это по-чеховски можно встретиться, полюбить друг друга, быть счастливыми, пожениться и быть всю жизнь несчастными.

Вместе с Вами мы заглянем в созданный Надеждой Тэффи мир любви, во многом смешной и ироничный.

Вместе с Вами мы вспомним о преданной и бескорыстной любви героев произведений Александра Куприна, во имя и ради которой можно принести в жертву что угодно, даже собственную жизнь.

Вместе с Вами мы попробуем, как Иван Бунин, пережить любовь-вспышку, которую он считал трагедией, катастрофой, сумасшествием и в то же время великим чувством, способным и беспредельно возвысить, и уничтожить человека.

В усадьбе «Приютино» в конце XVIII – первой половине XIX века проходили знаменитые литературно-музыкальные вечера салона Олениных. Продолжим эту традицию, и в XXI веке заглянем в знаменитую гостиную усадьбы...

В условиях сокращения часов на изучение литературы подобный опыт проведения внеурочных мероприятий, посвящённых русской литературе и

культуре, может повысить интерес старшеклассников к чтению классической литературы, расширить их кругозор и воспитать патриотов России.

Список литературы

1. Приютино: Антология русской усадьбы / Составление и комментарий Л.Г. Агамаян и И.С. Ефимовой. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. 784 с.
2. Рейсер С., Аронсон М. Литературные кружки и салоны. М.: Аграф, 2001. 400 с.
3. Шульженко В.И. Геокультурные основания проективной деятельности в сфере туризма и рекреации // Университетские чтения. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2013. С. 129.
4. Шульженко В.И. Русский Кавказ: очерки междисциплинарных исследований. Пятигорск: Пятигорская государственная фармацевтическая академия Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию, 2007. С. 34–42.
5. Шульженко В.И. Формирование компетенций студентов в системе профессиональной подготовки в фармацевтическом вузе // Андреева И.Л., Пивоваров А.Н., Уткина Т.Б., Гаврилин М.В., Гацан В.В., Зайцев В.П., Терехов А.Ю., Сенченко С.П., Шестаков Г.Н., Шульженко В.И., Олешко Г.И., Егоров В.А. Фармация. 2010. № 1. С. 55.

УДК.371.3:82-3

В.А. Сергеева
Забайкальский государственный университет
кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой литературы
E-mail: zablit@ya.ru

Развитие способности к сопереживанию на занятиях выразительным чтением

Аннотация: В статье рассматривается методика работы с подростками по освоению ими эмпатийного опыта на занятиях выразительным чтением.

Ключевые слова: Структура читательских способностей, эмпатия, воссоздающее и творческое воображение, художественная перцепция, темпоритм чтения.

V.A. Sergeeva
Transbaikal State University,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Professor, head of Department of literature
E-mail: zablit@ya.ru

Development of the capacity for empathy in the classroom expressive reading

Summary: The article discusses the technique of working with adolescents for the development of their empathic experiences in the classroom expressive reading.

Key words: Structure of readers' abilities, empathy, recreating, creative imagination, artistic perception, tempo-rhythm reading

Основным направлением в обучении выразительному чтению пятиклассников мы считаем работу по выявлению отношения школьников к читаемому, поиску средств выразительности, помогающих проявить собственное отношение, которое мастера художественного слова считают «самым убедительным в искусстве». Развитие воссоздающего и творческого воображения ведёт к развитию сопереживания, сочувствования у подростков. 4–5 классы психологи называют возрастом, когда ещё не утрачена способность к сильной эмоциональной реакции на прочитанное. Исследователи подчёркивают влияние читательского переживания на другие компоненты процесса восприятия: «Читательские переживания активизируют и читательское воображение, и мышление читателя, и его память, т.е ... всю психологию читателя, всё его сознание в целом. В результате воспитательное воздействие на читателя художественной литературы во многом определяется эмоциональным компонентом в структуре его читательских способностей [2, с. 13].

Особенностью читательского переживания является свойство отчуждения (читатель переживает определённые чувства и одновременно знает, что они ненастоящие); переживает и те чувства, которых раньше не знал (обогащается эмоциональный мир и опыт человека) [Там же, с. 15]. Характер переживаний может определяться как эмпатийный. Читательской

эмпатией Е. А. Корсунский называет способность к сопереживанию героям или даже отождествление читателя с тем или иным персонажем. Исследователи подчёркивают, что эмпатия является одним из важных показателей высокого уровня развития эмоционального компонента в развитии читательских способностей. Переживания за героев литературного произведения, личные читательские эмоциональные реакции, эмоциональное отношение читателя к автору являются необходимыми элементами личностного истолкования произведения.

На практике заразить себя переживаниями персонажа, скажем, басни, довольно трудно. Выявить авторскую идею, своё отношение можно через мораль. Но мораль – это нравоучение, сюжет же басни чаще всего – живая сценка, участники которой не абстрактные носители неких пороков и слабостей. При изучении басни дети учатся читать психологический рисунок образа-персонажа. Для этого мы используем утвердившийся в методике обучения выразительному чтению подход, предложенный ещё К. С. Станиславским – действие в предлагаемых обстоятельствах.

Изучая прозаическое произведение, получая представление о литературном портрете, подростки имеют возможность осуществить перенос литературоведческих знаний в новые условия. Так, готовясь к чтению по ролям диалога мальчиков-героев повести В. Катаева «Белеет парус одинокий» из главы «Честное благородное слово», ученики должны решить следующую задачу: прочитать реплики героев так, чтобы слушатели узнали Петю и Гаврика. Это кажущееся простым задание достаточно сложно для пятиклассников. Им одинаково нравятся оба мальчика. Они легко чувствуют авторскую «приязнь» к своим героям. Но автор неодинаково изображает их особенности, как внешние, так и внутренние. Подросткам пришлось проделать сложную работу: психологическое состояние героев не статично, автор передаёт малейшие нюансы его изменения под воздействием рассказа Пети о его приключениях. Дети заметили, что мальчикам страшно хотелось казаться взрослыми черноморцами, и это проявилось в напускной

сдержанности в их отношениях в начале разговора. Но за ней – и Петины муки совести, и настороженность Гаврика. Бурный, эмоциональный рассказ Пети вызывает у Гаврика странную реакцию. Обращаем внимание детей на то, что в данной ситуации Петя как настоящий рассказчик замечает реакцию своего слушателя («Пете показалось даже, что Гаврик испугался»). Участники диалога – дети, и пятиклассникам близки муки Гаврика от сознания того, что он не может поделиться своей страшной тайной с другом (а ведь как поднялся бы он в глазах Пети!). Готовясь к чтению диалога в лицах, определяя своё отношение к его участникам, подростки учатся нагружать произносимые слова не только логически, но и эмоционально, и психологически. Вникая в психологическое состояние персонажей произведения, ученики обогащают собственные представления. Чувства и мысли. Но здесь существует и другая связь: обретая собственную точку зрения, школьник-чтец может увидеть произведение в неожиданном ракурсе и по-своему интерпретировать его. И это ценно как для развития творческих начал в личности подростка, так и для развития творческого начала в его чтецкой деятельности.

В методику изучения главы «Мадам Стороженко» мы ввели новые элементы. Дети должны были подготовиться к инсценированию главы: необходимо было разработать мизансцены и разыграть диалоги Гаврика и мадам Стороженко. Упражнения с составлением мизансцен помогают детализировать видения школьников; происходит своеобразная интериоризация: часто юные чтецы не могут рассказать о своих представлениях, которые у них возникают при чтении «про себя». В результате выявляются тусклые, безжизненные интонации при чтении вслух – сильный эмоциональный отклик на читаемое не появляется. Составление мизансцены заставляет не только воссоздавать детали текста, но и фантазировать, не выходя за рамки конкретного содержания текста. Видения проясняются, текст становится близким чтецу, своим, конкретные

представления легко передаются словами: у чтеца проявляется определённое чувство, отношение к читаемому, сопереживание героям произведения.

Постепенно обогащаются и видения: мы стараемся связать представление о видениях и отношении к читаемому в сознании школьников. Приступая к изучению главы «Море», мы просим детей на минуту закрыть глаза и перенестись мыслями к морю, а потом рассказать о своих видениях.

О чём рассказывают подростки? «Я вижу море. Оно ярко-голубое. Тихое. Волны медленно наползают на берег. Вдали виден небольшой корабль». «Море блестит на солнце так, что режет глаза. Это происходит ещё и потому, что на волнах – рябь. Очень жарко, хочется искупаться». «На море холодно. День пасмурный. Море тёмное и неласковое. Пахнет водорослями. Волны с шумом ударяются о берег...» и т.д.

Несмотря на то, что видения подростков непохожи, их объединяет отсутствие каких-либо представлений, кроме зрительных. Только немногие почувствовали запахи моря, смогли передать свои ощущения. Чтобы увеличить объём зрительных представлений детей, мы прочитали рассказ Катаева о море, полный зримых, слышимых, динамичных объёмных видений моря в разное время суток.

Работая над выразительным чтением главы «Море», мы знакомим учеников с понятием темпо-ритма чтения. Обращаем внимание на то, что мастера художественного слова связывают ритм с внутренним состоянием чтеца, его эмоциональным откликом на произведение. Темп определяется как составная часть ритма. Понимая вслед за Ю. К. Беседой ритм как «степень внутреннего напряжения и чередование эмоционально-психологических спадов и подъёмов» [1, с. 51–71], обращаем внимание детей на то, как велик эмоциональный накал главы, как часто меняется настроение от созерцания моря, от проникновения в его тайны, от своеобразного общения с ним.

Как передать это в чтении? Выбор нужного темпо-ритма для каждого смыслового куска (части главы) помогает решить эту задачу. Своеобразие темпо-ритма чтения обусловлено содержанием текста: глава открывается

изображением моря «во всю ширину», но картина почти сразу резко меняется – появляется крутой обрывистый берег, и темп чтения заметно увеличивается, передаёт движение бегущего по крутой дорожке Пети. Всё быстрее, быстрее... «Э, будь что будет!...» При воссоздании в звучащем слове картин моря немаловажно обратить внимание на темпо-ритм, потому что «действие и ритм взаимосвязаны. Действие... рождает движение и развитие мысли... Ритм также связан с развитием» [1, с. 59].

Таким образом, ритм помогает проявиться словесному действию, выполнить конкретную задачу: воссоздать в звучащем слове разнообразные картины моря, передать слушателям то отношение, которое они рождают у автора, героев произведения, у самого чтеца. Всё это помогает глубже понять функции пейзажа в литературном произведении.

Следует отметить, что пятиклассники уже способны при анализе чтения обращать внимание на средства выразительности. Например, слушая стихотворение М. Лермонтова «Парус», подростки отмечали, что они не только рисуют в воображении картину белеющего в море паруса, но и слышат, как «мачта Гнётся и СКРЬИпит», как «вЕтеР СВиЩет». Это говорит о том, что ученики воспринимают стихотворение не только на уровне эмоций содержания, но и на уровне эмоций формы (выражения Л. Выготского), значит, и сами они будут искать нужные средства для того, чтобы чтение было действенным. Чтобы передать своё отношение при чтении данного текста, необходимо проникнуться его настроением. Сложность состоит в том, что риторические вопросы и восклицания, передающие суть переживаний. Являются своеобразным рефреном в этом небольшом произведении, основанном на видениях, они как бы разрывают одно видение и дают начало другому. Этот сложный комплекс представлений и эмоций пробуждает определённые эмоции у читающего и слушающих стихотворение.

Таким образом, работая над выявлением отношения к читаемому, мы обогащаем и те умения, которые связаны с воссозданием видений в воображении детей. Эти умения совершенствуются и при условии

внимательного отношения к внутреннему миру персонажей. Можно утверждать, что в процессе обучения выразительному чтению мы развиваем художественную перцепцию как одну из читательских способностей. Е.А. Корсунский определяет художественную перцепцию как выделение читателем литературного персонажа как объекта восприятия, как возможность познания его внутреннего мира. Психолог отмечает, что понимание внутреннего мира литературного персонажа осуществляется благодаря воссозданию внутреннего мира героя при помощи воображения; благодаря интуитивному проникновению в психологическую сферу персонажа; благодаря сознательному психологическому анализу социально-психологических мотивов его поступков, психологического состояния личности в целом [2, с. 59].

В чём мы видим перспективу? В последующем (6 класс), углубляясь в подтекстовое содержание произведения, активно воспринимая авторскую задачу, чтец проявляет творческое отношение, выявляет личностный смысл при воплощении текста в живом звучащем слове. Возможности возраста, достаточный для 6–7-классников запас жизненного опыта позволят подросткам проявлять в чтении свою точку зрения, своё видение произведения, раскрывать определённые свойства своей личности.

Список литературы

1. Беседа Ю.К. Темпо-ритм выразительного чтения // Выразительное чтение в вузе: Иркутск, 1980. С. 51–71.
2. Корсунский Е.А. Развитие литературных способностей школьников: Учеб. пособие к спецкурсу: Л.: ЛГПИ, 1985. С. 13, 15, 59.

IV. ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ, СООБЩЕНИЯ

О ПОИСКЕ НОВЫХ ФОРМ В ФИЛОСОФИИ ЧЕЛОВЕКА

Опубликовано в журнале «Гуманитарный вектор» (Чита). 1999. № 1 (5). С. 16 – 28.

Философия в нашем сознании заняла место некоего предмета, который имеет свою программу, свой особый язык, вполне узнаваемый стиль изложения и свою собственную аудиторию. В культуре, как правило, философия связана с программой высшего образования и поэтому изучается не всеми, а только определенной категорией лиц. Для них философия существует как знание, как совокупность истин, которые усваиваются, а затем «сдаются», определяя на краткое время по принятой шкале оценок степень приобщения к высокому знанию, к философии.

Последнее десятилетие внесло существенные изменения в наше сознание и в положение философии в культуре и в системе образования. На смену тоталитарной идеологии и соответствующих ей схем образования пришла идея (пока только идея) необходимости освоения многих философских концепций и принципов бытия. Этот легко принимаемый в самом общем виде тезис оказалось совсем не просто реализовать на практике. Требуется освоить новые формы накопления и передачи философского сознания, осмыслить право на философский вывод, критерии отбора и организации контактов с аудиторией. Возникла необходимость осмыслить разницу между свободой и произволом, между правом на собственную точку зрения и невежеством. Предстоящая работа предполагает:

- расширение понятия философии от особой академической дисциплины до общего и необходимого компонента сознания каждого из людей, а значит признание множественности ее форм и функций;
- не менее важно признание за философией способности отражать не только окружающий мир, но и внутренний мир своего носителя со всеми его особенностями и неповторимостью;

- философия в этом случае становится не столько общим понятием, отражающим мир, сколько принципом бытия, наработанным в процессе жизни;
- это определяет возможность широкого диапазона форм выражения и даже жанра, в котором находит свое отражение философия жизни отдельных людей.

Учитывая все эти условия, можно сделать вывод, что в дополнение к традиционным, академическим формам философствования приходят еще и другие, существующие за пределами этой специализации. Возникает особая форма метафорического освоения проблем человеческого бытия и новые формы прочтения классических текстов. Приводимые ниже работы петербургских авторов могут служить примером этого поиска новых форм в философии человека.

Т.В. Холостова

ФИЛОСОФИЯ БЫТИЯ И БЫТИЕ ФИЛОСОФИИ

В.Е. Никитин

«... Между теологией и наукой имеется Ничья Земля,
подвергающаяся атакам с обеих сторон;
эта Ничья Земля и есть философия».

Б. Рассел. История западной философии

Философия почти с самого момента своего возникновения является отрицаемой, вытесняемой формой сознания. Последовательное религиозное мировоззрение не нуждается в философской рефлексии. Уже апостол Павел ясно говорит об этом в своих посланиях. Религиозная философия не опора для религии, а лишь посредница, лишь средство адаптации разума к вере. Чем менее развит разум, тем меньше необходимость в такого рода адаптации.

Многообещающее сближение философии с наукой, привело к переделу сфер влияния между ними, в результате которого само существование «Ничьей Земли» оказалось под вопросом.

Будучи теснимой со всех сторон и повинувшись инстинкту самосохранения, философия занимается возведением крепостных стен и проведением демаркационных линий, ограничивая и формируя то пространство, в котором совершаются акты рефлексии, не сводящиеся ни к религиозному, ни к научному типам мыслительной деятельности. Строительным материалом для этих укреплений является, прежде всего, язык, на котором говорит философия и который не позволяет ни редуцировать философскую проблематику к научной, ни растворить ее в обыденном или религиозном сознании. Но язык не только защита, не только барьер на пути непосвященных и покушающихся, но одновременно и средство, инструмент, посредством которого раскрывается и решается основная тема философии – тема бытия.

Долгое время слово «Бытие» писалось с большой буквы, ибо обозначало Божественное творение, мир, созданный Богом. С развитием науки и научных методов творение становится просто «миром» или «бытием», но уже с маленькой буквы, становится вещью, в которой существуют все другие вещи, которые можно изучать и упорядочивать. Отождествляя понятия мира и бытия, философия занимает место в ряду наук и, в конечном счете, неизбежно «теряет свое лицо». Если «бытие» философии и «мир» науки совпадают, если они одно и то же, то философия действительно становится излишней, утрачивая свой подлинный предмет, свою специфику. Бытие философии это не Бытие Бога и не мир науки, а бытие как присутствие, пребывание человека в мире. Бытие, с которым имеет дело философия, это всегда «мое бытие», которое заключается в единстве «Я» с миром. Бытие, понимаемое таким образом, не только зависит от сознания, но и предполагает его. Бытие это пространство, состоящее из таких мест или топосов, где встречаются «Я» и мир, где они соприкасаются друг с другом.

Но каким бы тесным не было это соприкосновение, здесь всегда, по выражению М. Мамардашвили, существует некая щель, зазор. Попыткой устранить этот зазор и является философия. Именно его наличие и порождает философию, делает ее необходимой. Обращение философов к проблемам физики, математики, биологии на «мирском языке» этих наук, так же как и попытки представителей различных наук внести свою проблематику, а заодно и методологию, в философский дискурс, ведут лишь к разрушению, деградации этого дискурса.

Путь, который прошла европейская философия, явился ответом на вызов, брошенный ей религиозным мировоззрением, с одной стороны, и научным мышлением – с другой. Этот путь приводит философию к более отчетливому пониманию своего подлинного предназначения, своего дела, которое за нее не смогут выполнить ни религия, ни наука, ни здравый смысл.

СОКРАТ КАК ПЕРВЫЙ НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ

Н.И. Панкратов

Преодолев первые мили в океане литературы, посвященной проблеме человека, я понял, что первоначальное представление о координатах цели было весьма приблизительным. Как и следовало ожидать. Проблема явно не тривиальная. Иногда, впрочем, огорчает, когда авторы солидных томов, гениально живописуя портрет человека, умудряются обойтись вообще без постановки проблемы. В таких случаях считается как бы само собой разумеющимся, что проблема заключается в САМОПОЗНАНИИ. И если она не решена, то именно потому, что сущность человека уходит в головокружительную бездну.

Тезис, который в данном случае мне хотелось бы развернуть, состоит в том, что пойдя путем, начертанным З. Фрейдом, и выйдя в пласты бессознательного, ученый люд и читающая публика получили возможность

безбрежного творческого конструирования своей сущности. Пойди и разберись что́ в описываемых откровениях истина, а что – домысел, работающий на конъюнктуру. А конъюнктура такова, что в особенности сегодня ценится таинственность, создающая иллюзию глубины и душевного богатства. Всякое мелководье воображает себя загадочным омутом, и, само себя не понимая, требует, чтобы его поняли, прежде чем создавать социальные проекты. Капризничая ребенок воображает себя гигантом в цепях. Сущность человека, постигаемая этой творческой методологией, представляется все более вымученной.

«Сможет ли человек преодолеть самого себя?» – вот в чем проблема и основной курс исканий философской антропологии. Разумеется, сегодня я в этом не абсолютно уверен, но отношу себя к тем, кто, не мудрствуя лукаво, недоволен тем, что человечество, спекулируя на идее свободы, играет в поддавки с самим собой. Нелегкая задача на преодоление своей животности с глубокомысленным видом подменяется задачей на поиски гармонии души и тела. Ну а душа, как выше сказано, – потемки. Головокружительным фактом для размышлений и постановки задач о сущности и целях человека является судьба Сократа – этого первого (зафиксированного письменно) невольника чести, не безукоризненного в своем поведении, но, как никто другой, достойного имени Человек. В нем «цели жизни возвысились над жизнью». В нем природа преодолела впервые себя. Проблема нелегкая. Но ... вот он – Сократ. Слабо?!

СЛАБО!

Н.И. Панкратов

Правильно поставить проблему – значит наполовину ее разрешить. Надо полагать, это относится и к «вечным проблемам», и в частности к проблеме человека. Тот факт, что даже при самых неприятных

критериях оценки степени разрешенности этой проблемы, никак нельзя сказать, что она разрешена хотя бы наполовину, может, конечно, навести на мысль, что до сих пор она неправильно ставилась. В этом свете можно понять и благословить цунами исписанной бумаги, посвященной проблеме человека. Но если посмотреть на тексты второй половины XX века, то, едва ли не полностью они посвящены постановке проблемы, а не поиску средств для ее разрешения.

Однако чем больше вникаешь в смысл соответствующих текстов, тем назойливее напрашивается одна нетривиальная мысль, которую попытаюсь выразить в полемическом задоре. И, возможно, именно потому – кратко. Дело не в том, что корифеи не распознали головокружительной, уходящей будто бы в бездонные глубины человеческой сути, а потому-де и не сформулировали точно и лаконично проблему. А в том дело, что каждый (точнее, почти каждый), способный легко понять, что речь идет о свободном самопожертвовании, автоматически (в соответствии с запрограммированным в генах эгоистическим началом) выносит себя из проблемного поля. Проблема человека – это, к сожалению, не проблема Сидорова, Петрова... Вот в чем дело.

«Я не нажимал на чашу весов», «я не обижал вдов» – заявления древних египтян, оставленные ими на надгробных камнях. Не надо обладать умом и воображением корифея, чтобы догадаться, что это и были симптомы человечности; капли росы, в которых светилась Вселенная человека. Не хапай с чужого стола – вот и весь сказ. За сорок веков по сути дела мы продвинулись в этом направлении совсем не далеко. И хапать стали не на много меньше; да и те, кто все же стал умереннее хапать, свидетельствуют лишь о прогрессе хитрости, а не добродетели.

И, глядя на эту вековечную негибимость «гомо хапиенса», по крайней мере, надо сказать обескураживающую правду: СЛАБО! Но легко сказать «слабо» – это еще нужно доказать Сидорову, Петрову... Способные в какой-

то мере принять обвинение человечеству, они не скоро примут его на свой персональный счет.

«Тварь ли я дрожащая?» – Хуже того: гнида! При такой трезвой самооценке можно считать проблему человека наполовину разрешенной. Но в том-то и дело, что если какой-нибудь Родион Раскольников способен хотя бы несколько минут порефлексировать на сей счет, то Сидоров и Петров с порога отметут такую «клевету». Они способны в целом возвыситься над комплиментами типа «человек – это звучит гордо!», но они спокойно позволяют вешать на уши лапшу квазинаучной мути, софистически подменяющей оскорбительную правду утешительной тайной. Человек – это, видите ли, не флейта.

«Не судите, да не судимы будете!». Впервые, пожалуй, эта, подхваченная христианством, максима вышла боком Сократу. Это он, осмелившийся сыграть роль «овода» для заживевших и обленившихся «лошадей», напоролся, увы, не только на Анита, Мелета и Ликона. Для меня, живущего 2600 лет спустя после смерти Сократа, его бедность и самоотверженность дают ему право быть строгим судьей. Зло за зло! Но я допускаю справедливость со стороны тех, для кого урок Христа важнее урока Сократа. Будем великодушны друг к другу. Но не настолько, чтобы подменить притчу об оводах и обленившихся конях притчей о кукушках и петухах.

Допускаю также, что придет то время, когда ростки добродетели (свободного самопожертвования) принесут такой урожай, которым человечество пресытится в жизни, как сегодня оно, похоже, пресыщается в мыльных сериалах. Но сегодня брезгливо кривить губы, глядя на ростки тех злаков, из которых будет получена всего лишь манная каша, – есть в этом что-то от пижонства пустоплясов. Допустим, Иисус Христос не подобен айсбергу. Весь он на поверхности. Вот Он. Только в том и проблема: Слабо!

НЕТ ВЫХОДА

Е.П. Ушаков

Каждый день почти каждый из нас совершает несколько символических актов убийства, подписывая несколько символических смертных приговоров. Мало кто задумывается, проходя в толпе мимо нищей старушки в метро, что подаяние помимо сугубо материальной стороны имеет не менее важное символическое значение: акт неподаяния есть акт отказа в праве на жизнь. Что заставляет большинство из нас проходить мимо – враждебность, скупость? Нет, это просто лень – просто нежелание остановиться, пошарить в кошельке, испытывая толчки прохожих... Это нежелание задуматься о том, что данное существо, возможно, скоро упадет в голодный обморок. В этом нежелании говорит нечто другое, более серьезное – нежелание видеть.

Нежелание-видеть незаметно стало всеобщей характеристикой нашего повседневного бытия. Комплекс технических средств, опосредуя нашу встречу с реальностью, представляет блестящие возможности для этого нежелания. Сегодня человек не испытывает потребности стать пилигримом или узнать вести из соседнего города: он присутствует везде, не выходя из своей комнаты. Живая реальность сменилась поверхностным, фантасмагорическим и искусственным присутствием нас сразу во множестве мест – то, о чем говорил в своей лекции в Петербурге Жорж Батай.

Давно осознано (по крайней мере, в России), что покаяние и наказание – совершенно разные категории. Покаяние, признание себя виновным, суть подлинный отрицательный полюс ответственности. Ответственность не измерима никаким страхом наказания; ответственность – это мое личное участие; это вхождение меня в ту или иную реальность. Когда «болит душа за завод» или «болит душа за науку», то я просто знаю и чувствую, что им будет тяжело без моего участия, без моей помощи. Отрицание же ответственности – не безразличная и наивная «безответственность», но как раз осознанное

нежелание-видеть, нежелание-участвовать... Надо сказать, что совесть, как и все архаическое, довольно примитивна и недальновидна: она реагирует лишь на грубые натуралистические эффекты. Например, когда явно сталкиваешься с делом рук своих, подтолкнув человека к инфаркту или самоубийству. Голос совести всегда можно предупредить, заранее отвернувшись от чего-то неприятного, – ибо к утонченным, опосредованным умозаключениям совесть не способна. Я отворачиваюсь, я не желаю видеть – и я не вижу, и моя совесть остается спокойной...

Но неразрешимая проблема состоит в том, что боли и горя скопилось столько, что попытка дать-себе-увидеть приведет к совершенно невыносимым переживаниям. Дело зашло слишком далеко. Экзистенциалистский идеал героя, несущего на плечах всю тяжесть мира, по форме – красивые слова, а по содержанию – безумие. Вспомним Ницше, ощущающего как личную трагедию свою одинокую борьбу с идолами лжеморали; вспомним, как он кричал в отчаянии, что он на пределе сил, что вся тысячелетняя ложь и фальшь европейской культуры сконцентрирована в его сознании! Как взять на себя ответственность? От этого можно сойти с ума. Ведь все горе мира, все слезы и вся кровь мгновенно ворвутся в мое сознание и разорвут его. Вся реальность воспалится и взбунтуется; достаточно хотя бы чуть-чуть почувствовать это, чтобы с ужасом отвернуться от этого. Я не желаю ничего видеть, я не отвечаю, я не участвую...

Врач, с циничным спокойствием осматривающий палаты обреченных, судья, бесстрастно раздающий сроки заключения, – надежно закалили свою совесть, не желая видеть и участвовать в происходящем. «Это ваши проблемы». «Ничем не могу вам помочь». Философ, говорящий изысканные речи и создающий морализующие тексты, исповедует ту же самую форму нежелания-видеть. Мы ищем гуманизм, мы воспеваем ценности, мы голосуем за человечность, мы осуждаем жестокость – все это разновидности незамысловатой игры, в которой успокоились совесть и душевное здоровье.

Кто примет на себя безумие, кто выдаст право на жизнь каждому отверженному? – Выхода я не вижу.

**ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ.
ПОКА ИХ НЕ РАЗЪЕЛО КИСЛОТАМИ**

В.Н. Сагатовский

Кто любит повторять, что «сейчас не время» и «у нас нет средств», пусть говорят это только от своего имени.

Если философия только вопрошает, то единственный возможный ответ известен со времен дао: всё есть всё. Но без этого ответа она теряет крылья.

Если философия дает только схемы для решения проблем, то у нее «вместо сердца пламенный мотор». Но и крыльями без мотора не взмахнешь.

Самые глубинные характеристики человека: способность к самотворчеству смыслов и ответственность за выбор.

Мир человека – это поле с исключительно высокой плотностью точек бифуркации. Энергетика этого поля сильнее той, что образуется при расщеплении атома.

Из хаоса, конечно, возникает порядок. Но всегда ли? И какой?

Самая страшная власть – это власть анархии. Самая бесчеловечная конструкция может возникнуть из последовательной деконструкции. Ибо и там и там отрицается все – кроме «себя любимого».

Рассуждения об «устойчивом развитии» напоминают мне обращения Фурье к Наполеону и Ротшильду с призывом реализовать его проекты. Разве возможна устойчивость, разве остановима глобальная катастрофа, если сильные мира сего (и подражающие им слабые) не откажутся от ориентации на максимум (власти, богатства, наслаждения...)?

Но кто может остановить «архитекторов отчуждения»? И нагорная проповедь звучала, и на пролетариат надеялись...

Если на такие вопросы, философ, ты сможешь найти ответы, вот тогда ты будешь нужен.

А кому нужны ответы?

СЕМЬ ФРАГМЕНТОВ

А.К. Секацкий

В какой мере инструментом философии является чистая мысль? Это самый тонкий из всех возможных инструментов, драгоценное алмазное острие. Все остальное можно назвать причиндалами: честолюбие, отзывчивость, благородство, сама доброта – рукоятки и футлярчики, не предназначенные для проникновения в глубины. Все они гораздо нужнее для жизни, для счастья и, может быть, для спасения, но стершийся узор мироздания реставрируется только алмазной иглой.

Достоинства мыслителя противоположны добродетелям юной девы. Отягощенные целомудрием и озабоченные добрым именем, наверное, лучшие из людей, но не лучшие из философов.

Нет, кажется, более бессильного заклинания, чем воззвание о единстве истины, добра и красоты. Мир устроен так, что в словосочетании «злой гений» одно из двух слов является избыточным.

Впрочем, выход за пределы слишком человеческого не должен быть излишне легким, ибо требуется стартовый толчок и хороший разбег. Яркость отпечатка, оставляемого мыслителем, сопровождается катастрофой, пусть даже невидимой миру. В словосочетании «несчастное сознание» тоже есть ненужное удвоение. Век вековать, горе горевать...

Наконец, творческая мысль в момент ее продумывания разрушает позу мудрости заодно с сопутствующим эстетическим каноном.

Алмазная игла рефлексии притупляется с годами и, возможно, это зависит от силы нажима. Мир проявляет ненужную жалость (или, скорее, чрезмерную заботу о себе), признавая последнюю книгу мыслителя самой аутентичной. Но явка с повинной – совсем не то же самое, что момент истины. Трагическое безумие Ницше сделало нас наследниками великого шедевра (а не просто значительного вклада). Продлился бы трудоспособный период еще лет десять-двадцать, и как знать, быть может, Заратустра прогнал бы своих зверей, воспел бы тихие радости слишком человеческого; уж он точно сумел бы сделать это лучше Сент-Экзюпери или Честертона.

Страх «возмездия свыше» и желание исполнить социальный заказ блокируют *hydrus*. Но любопытно, что поддаются страху совсем не те, для кого подобная угроза могла бы иметь реальный смысл. «Свободные умы» (по выражению Ницше) с улыбкой смотрят на «пустые хлопоты», на нелепые опасения всевозможных «исполняющих обязанности» мыслителей. Исполнителям экзистенциального заказа и невдомек, что содержание формулы «Замысел Бога обо мне» не сводится к двум-трем простым истинам, одинаковым для каждого. Слова Иисуса «можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь» (Матф. 20, 22) предполагают, по меньшей мере, разную степень отрицательного ответа.

Быть может, самым «загадочным моментом» в христианском богословии останутся причины, по которым Господь «возлюбил Иакова, а Исава возненавидел». Но хотя основания богоизбранности непостижимы, ясно, что есть и другой род отмеченности свыше. Далеко не для всех негодных есть у Господа персональная молния. Честь испепеления достается единицам – для прочих достаточно моровой язвы, бичей, скорпионов и тьмы египетской...

Способность додумать мысль до конца приводит к пониманию еще одной простой вещи: не существует постепенного приближения к истине. В этом движении нет плавных траекторий – и предпоследняя истина будет походить на последнюю, как две капли воды, сохраняя единственное отличие, отличаясь лишь противоположным знаком.

ПОСТАНТРОПОЛИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ФИЛОСОФИИ

Б.В. Марков

В классической философии человек рассматривается как субъект познания и практики и по его меркам осуществляется оценка любых явлений природы и произведений духа. Но на самом деле природа, как и созданные человеком вещи и институты развиваются по своим законам и предъявляют свои требования к человеку и его деятельности. Например, знания, перерабатываемые и используемые современными компьютерами, не соответствуют антропологическим критериям. И выход заключается не столько в «гуманизации» машин, сколько в организации более эффективного взаимодействия их с человеком.

Для современной философии характерен отказ от антропологической парадигмы. Он связан так или иначе с успехами биологии, которая

определяет человека как цепь молекул и генетических кодов; с открытиями социологии, которая эффективно объясняет мораль и мировоззрение как надстройки над базисными социальными и экономическими институтами; с претензиями этнологии, которая указывает на неуниверсальность человеческого. Однако главным мотивом такого отказа являются трудности прежде всего философского характера, которые вынуждают сомневаться в возвышенных идеях гуманизма. Кризис антропологической парадигмы необходимо расценивать как часть более общего процесса.

Если Ницше говорил о смерти Бога, теперь говорят о смерти человека и даже самой философии. Мы живем не только в постантропологическую, но и в постметафизическую эпоху, в которой традиционная философия имеет разве что антикварную ценность. Высказывание Ницше «Бог мертв», по сути, означало отказ от Бога моралистов и проповедников и выражало стремление к новому идеалу. Точно также и в тезисе о смертности человека, речь идет о критике устаревших представлений и ориентации на поиск новой более реалистической модели человеческого. Совершенно нетерпимым является тот факт, что красивые, возвышенные разговоры об идее человека ведутся на фоне все более дегуманизируемой действительности.

Постантропологическое мышление отказывается от претензии на тотализирующую роль дискурса о человеке. Человек не есть нечто заданное природой или сотворенное богом. Разум и сердце, расчетливость и моральность нельзя сводить к внеисторическим метафизическим сущностям. Например, как таковые требования христианской морали оказываются безусловными, но как специфически они воплощаются в жизнь, какие разные можно наблюдать способы оставаться моральным в различные исторические эпохи!

Социальные институты и технологии образуют самостоятельную реальность, к которой человек должен относиться не как к чему-то безусловно злему или враждебному. Они не являются принципиально бесчеловечными, но человек должен быть внимательным к тем опасностям,

которые они таят в себе и искать такие формы жизни, которые обеспечивают возможность как сохранения порядка, так и реализацию свободы и прав человека.

Философская антропология «после смерти человека» должна поставить в качестве своей главной задачи: во-первых, критическую рефлексию исторических представлений о человеке и исследование тех реальных функций, которые выполнял дискурс о «человеческом» в истории культуры; во-вторых, анализ, диагностику и терапию тех мест, культурных институтов, в которых осуществляется производство человека, включая его не только духовные, но и психофизические характеристики.

ПРАВДА О СИЗИФЕ

Н.Б. Иванов

Умопостигаемый мир центрируется Логосом. С этим согласны все, причем философы новейшего времени с той же определенностью и безусловностью, что и философы древности. С этим согласны даже те, кто с этим не желает мириться: «спорить» здесь – как и в случае Декарта "cogito" – значит лишь свидетельствовать в пользу опровергаемого.

Можно теоретически уличить мирозерцание в «лого-», «эго-», «фоно-» или даже «фаллоцентризме», но практически нельзя вынести сам вердикт – любую умозрительную редукцию, рефлексию, идентификацию, критику, диагностику – из состава собственных признаков «уличенного» мирозерцания. Отсюда – все чисто метафизические проблемы современной эпистемологии, в частности, переживание предельности феноменологического проекта и полемика вокруг тематизации «дискурса». Но здесь же – в трансцендентальном содержании как будто чисто

формальной трудности – заключено свидетельство иного, не «окружающего», не «озвучивающего» и даже не «рассеивающего» Логос, мира.

На поверхности вещей, центрированных Логосом, – Мифос. Он не только формально отстоит от центра, но и содержательно – насколько только можно содержательно – ему противостоит. Ограничение возможностей этого противостояния – естественная задача умозрения, если и вынужденного всякий раз начинать с нуля, быть «строгим» и «беспредпосылочным», то именно постольку, поскольку этот нуль – поверхность. Но естественность этой задачи проистекает из притязания, которое рождено и легитимировано единственно мифом: решать, «теоретически» решать эту задачу – Сизифов труд.

Можно спорить, можно ли ему, тем не менее, придать смысл – скажем, открестившись от «ноуменального» или, скажем, «естественной установки». Вопрос вообще не в том, что скрывающаяся за этим опытом (вынужденно трансцендентальным) антроподицея невозможна. Вопрос именно в том, что она действительна, но так, что, придавая смысл, сама его теряет: оправдание вероятно, налицо все условия его «возможности», но, странным образом, не условия действительности – слишком поздно, «суд» остался позади. Впереди не истина, не правда. Впереди камень и гора.

Если миф о Сизифе и его труде – истина умозрения, чем является о них правда? Что-то в духе Камю? Что-то о «бессмыслице»? Но это именно и есть миф: про ложь, коварство, закованную Танатос, возвращение из Аида и, слава Зевсу, «бесплатных обедов не бывает». Правда, или центральный эпистемологический вопрос метафизики, заключается в другом. Это не вопрос о «самоубийстве», это вопрос о саморождении: как не убоиться камня, который тебя никогда не раздавит, как не упустить из рук то, что тебе суждено и требует присутствия духа, что тебе назначено богами, но чего –

исходя из присутствия искусственной силы, «трансцендентальной установки», – никогда не дождаться и не догнать.

Иначе говоря, как сохранить эпистемологическое достоинство трансцендентального субъекта, избавив его от онтологического двуличия, разумеется, не от «воли к власти» и т. д., а от власти иллюзорной воли – любви кататься с горки, к фетишам «самооправдания»? Как рассказать о Сизифе, не солгав себе – мол, он не «я», он вор и шутил со смертью? Он не знал мифа о самом себе. Он знал правду: «Я – Сизиф».

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

М.С. Каган

Рассуждать о гуманизме стало нынче своего рода модой, признаком хорошего философского тона, идеологического благородства. Выспренная тирада о человеке горьковского героя, служившая его иронической характеристикой, превратилась в некий лозунг, призванный еще в мутное брежневское время прикрыть бесчеловечную природу советской пародии на социализм: единственный эффект этого гуманистического камуфляжа – очередной анекдот о чукче, который «видел этого человека!».

Чтобы разговор о гуманизме стал содержательным и продуктивным, он должен из сферы философствующей публицистики переместиться в сферу научной философской антропологии, методологическим фундаментом которой является историзм. В данном случае это означает, что «место человека в космосе», по формулировке М. Шелера, точнее – в «социокультурном космосе», не подлежит абстрактному определению, ибо оно исторически изменчиво.

Решаясь противопоставить членениям историко-культурного процесса, предложенным Гегелем и Контом, собственную концепцию, я выделяю три других его этапа в развитии Западной цивилизации – теоцентристский,

натуроцентристский и антропоцентристский. Этот последний не только логически вытекает из эволюции предыдущего, но содержит в себе самую логику своего развития – от ренессансных «поисков индивидуальности» (Л. Баткин) к самоотрицанию в модернистской «смерти человека», закономерно последовавшей за «смертью Бога» и приближающейся «смертью природы». Горделивая претензия человека стать «царем природы», сменившая смиренное самосознание «раба Божьего», оказалась несостоятельной, и на переломе от эпохи индустриальной цивилизации к эпохе, именуемой пока неопределенным понятием «постиндустриальная», он находится сейчас, как герой русской сказки, на развилке трех дорог.

Одна из них продолжает путь, по которому он шел последние столетия, не желая, по мичуринскому учению, «ждать милостей от природы», а рискуя по-прежнему «брать их» своей царской силой. Идти по второй его манит призыв Тейяра «благоговеть перед природой», возвращаясь к детски-языческому поклонению ей и с завистью глядя на сохранивший такое ее религиозное почитание Восток. Третья дорога открывает перспективу нового, еще не изведенного историей, диалога с природой – и внешней, физической, и его собственной, биологической, диалога, который делает его отношения с нею не религиозными и не технологическими, а нравственно-эстетическими.

Отсюда следует, что реальное содержание научного взгляда на гуманизм в его современном состоянии требует от человека такого самосознания, которое заключало бы в себе понимание его силы и его слабости в соотношении с природой. А значит, порождало бы уважение к ней без преклонения, эстетическое восхищение ее наличным бытием и одновременно признание своего права «украшать природу», подымая естественное до уровня художественно-преображенного.

И что особенно важно – это необходимость изменения отношения человека к своей собственной природе. Замена открытого З. Фрейдом противоборства природы и культуры в человеческой психике их диалогическими отношениями. То есть признание культурой прав

человеческой природы, уважение к ней и поиск гармонии индивидуального и социального, телесного и духовного, врожденного индивиду и благоприобретенного, унаследованного и воспитанного. В этом смысле есть основания утверждать, что современный человек вовсе не является «венцом творенья», что его развитие не остановилось, что мечта Ф. Ницше о «сверхчеловеке» будет реализована, хотя и не с тем конкретным пониманием его сути, которое вкладывал в это понятие его изобретатель.

MEMORIA

18 октября 2017 года в возрасте 42 лет в городе Чите скончался доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Забайкальского государственного университета, бывший заместитель главы Читинского

района по вопросам экономики, член редакционного совета журнала «Софияполис» Аркадий Валерьевич Шемелин.

А.В. Шемелин родился в городе Балее Читинской области.

Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, академик муниципальной академии РФ, действительный член Российской академии юридических наук, лауреат премии Читинской области за успехи в творческой и научной деятельности, почётный работник сферы молодёжной политики, руководитель аппарата регионального отделения Ассоциации юристов России.

А.В. Шемелин был среди тех, кто стоял у истоков становления юридического образования в Забайкалье. Автор более 100 научных трудов, в их числе: статей, монографий, учебных пособий и различных методических материалов.

Коллектив редколлегии «Софияполис» выражает свои соболезнования родным и близким Аркадия Валерьевича Шемелина.